

РОМАН

Невероятные происшествия в женской камере №3

Кира Ярмыш

CoRpus

18+

Русский Corpus

Кира Ярмыш

**Невероятные происшествия
в женской камере № 3**

«Corpus (АСТ)»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ярмыш К. А.

Невероятные происшествия в женской камере № 3 /
К. А. Ярмыш — «Corpus (АСТ)», 2021 — (Русский Corpus)

ISBN 978-5-17-132696-8

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ЯРМЫШ КИРОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ,
СОДЕРЖАЩИЙСЯ В РЕЕСТРЕ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ С 14.10.2022.
Полиция задерживает Аню на антикоррупционном митинге, и суд отправляет
ее под арест на 10 суток. Так Аня впервые оказывается в спецприемнике,
где, по ее мнению, сидят одни хулиганы и пьяницы. В камере, однако, она
встречает женщин, попавших сюда за самые ничтожные провинности.
Тюремные дни тянутся долго, и узницы, мечтая о скором освобождении,
общаются, играют, открывают друг другу свои тайны. Спецприемник –
особый мир, устроенный по жестким правилам, но в этом душном, замкнутом
мире вокруг Ани, вспоминающей в камере свою жизнь, вдруг начинают
происходить необъяснимые вещи. Ей предстоит разобраться: это реальность
или плод ее воображения? Кира Ярмыш – пресс-секретарь Алексея
Навального. “Невероятные происшествия в женской камере № 3” – ее первый
роман. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-132696-8

© Ярмыш К. А., 2021

© Corpus (АСТ), 2021

Содержание

День первый	7
День второй	20
День третий	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кира Ярмыш
Невероятные происшествия
в женской камере № 3

© К. Ярмыш, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

18+

* * *

День первый

Если бы у Ани спросили, какой день в тюрьме самый сложный, она бы сказала, что первый. Главная его сложность заключалась в том, что он был нескончаемый и какой-то дерганный – время то тянулось резиной, то летело стрелой.

Началось все с неудобного клеенчатого матраса в камере московского ОВД. Аню задержали накануне, но день с беготней от ОМОНа, автозаком, оформлением в отделе полиции вышел таким насыщенным, что она почти не заметила, как он закончился. Осознание того, что она оказалась в тюрьме, пришло к Ане только в камере.

Всю ночь она провела, ворочаясь на липком матрасе и одергивая майку, чтобы не соприкасаться с клеенкой голым телом. Матрас лежал на полу, подушки и одеяла не было, удобно устроиться не получалось: рука под головой начинала неметь или бок отлеживался. То, что ей все же удавалось заснуть, Аня понимала по постоянным резким пробуждениям. Который час, она не знала: в камере не было окна (только круглосуточная тусклая лампочка над дверью), телефон у нее отобрали. Просыпаясь, Аня за неимением других развлечений снова и снова рассматривала стену перед собой: отваливающуюся краску, похожую на яичную скорлупу, подозрительные потеки, о происхождении которых она предпочитала не думать, надписи “Лёха”, “Бирюлево” и “Аллаху акбар”. Проснувшись в очередной раз как от толчка, Аня поняла, что теперь ей не померещилось. От пола шла ощутимая дрожь – это в метро начали ходить поезда. Так ей стало ясно, что наступило утро.

Потом стал оживать ОВД: Аня слышала это из-за своей приоткрытой двери. На ночь добрый дядечка-мент не запер ее совсем, а оставил в дверном проеме щель шириной с ладонь. Сделать щель побольше Аня не могла – ширина проема регулировалась цепью, накинутой на дверь снаружи. Аня лежала и слушала, как в дежурной части переругиваются полицейские, надрывается телефон, звенит дверной замок, шумит вода в туалете. Наконец за ней пришли и отвели в этот самый туалет – полицейский пустил ее внутрь, а сам остался снаружи подпирать дверь.

Аня попереминалась с ноги на ногу, оглядываясь по сторонам. В голову пришла сцена из фильма “На игле”, где герой вынужден зайти в “худший туалет в Шотландии”. Он явно не бывал в Тверском ОВД. Щербатый плиточный пол был покрыт жидкой грязью, с бачка свисала ржавая цепь, к унитазу, являвшему собой дырку в полу, Аня передумала приближаться. Пошумев водой для вида и не притронувшись к раскисшему обмылку на грязном бортике раковины, она вышла. Полицейский отвел ее в камеру.

Время тянулось безнадежно медленно. Дверь на этот раз закрыли плотно, сквозь нее не доносилось ни звука. Аня шарила взглядом по стенам, еле различимым в темноте, но это было сомнительное развлечение. Мысли еле ворочались в голове, тяжелые и громоздкие от недосыпа. Аня не знала, сколько так просидела. Ей казалось, что даже сердце у нее стало биться медленнее, а сама она начала погружаться то ли в медитацию, то ли в анабиоз. Когда дверь открылась и в камеру вошел полицейский, Аня вздрогнула от неожиданности и не сразу сообразила, что происходит.

Ее вывели в дежурную часть и усадили на лавочку рядом с грустной цыганкой, пьяным парнем и мужиком с подбитым глазом. Дядечка-мент, который вчера любезно оставил дверь приоткрытой, достал из шкафа коробку с ее личными вещами. “Собирайтесь, сейчас в суд поедете”, – сказал он. Аня включила телефон и быстро просмотрела сообщения, надела ремень и принялась зашнуровывать кроссовки. Шнурки у нее тоже отобрали перед тем, как отправить в камеру на ночь.

– Да вы особо не старайтесь, – понаблюдав за ней, посоветовал мент. – Вы же на суд едете.

– А что, разве в суд нельзя со шнурками? – удивилась Аня.

– Можно, но вам потом в спецприемнике опять расшнуровывать придется, – заботливо ответил полицейский. Аня была тронута его прямоотой.

В суде время пошло неожиданно быстро, хотя Ане хотелось, чтобы наоборот: тут наконец-то было светло, свежо, просторно, друзья принесли ей кофе и салат цезарь, телефон больше не отбирали. Судьей оказался суровый седовласый мужчина, опечаливший Аню своей пунктуальностью: заседание началось без опозданий, перерывы длились ровно столько, сколько он объявлял. Это, впрочем, вселяло и некоторую надежду. Казалось, что если человек выглядит строгим и неприступным как скала, то и решения он должен выносить беспристрастные и справедливые.

Анино преступление заключалось в том, что она подвернулась под руку омоновцу на митинге – ее выдернули из толпы и запихнули в автозак. В автозаке было весело и жарко. Кроме Ани, внутри оказалось еще много задержанных, все они переговаривались, шутили и смеялись – атмосфера скорее походила на праздничную. Аня попала в автозак впервые и считала происходящее настоящим приключением. Приехав в ОВД, она не сомневалась, что их быстро отпустят. Ее вместе с остальными посадили в актовъй зал – большую комнату, похожую на школьный класс, с рядами кресел. Возле одной стены стоял стол, похожий на учительский, над ними висел портрет Путина (справа), Медведева (слева) и российский флаг посередине. Людей, задержанных с Аней, подзывали к столу по одному и после подписания каких-то бумажек отпускали. За окном постепенно темнело, но Анина очередь все не наступала. Наконец она осталась одна – на улице уже сгустилась непроглядная тьма, электрическая лампа под потолком противно гудела. В зал вошел полицейский и сказал, что Ане придется остаться на ночь в КАЗе – это расшифровывалось как “камера административно задержанных”. Аня не поняла, почему оставляют ее одну, и начала спорить. Полицейский сказал, что в отличие от остальных у нее более тяжелая статья и до суда Ане придется остаться в отделе.

Лежа в КАЗе на полу, было трудно представить, что все закончится хорошо и быстро; но здесь, в суде, где оказалось так чисто и опрятно и даже туалет запирался на щеколду, Анина вера в счастливый исход окрепла. Когда судья предложил ей выступить, она даже немного застеснялась его клеймить. Подумала: вдруг он собирается отпустить ее на волю и она невзначай обидит хорошего человека. Выслушав ее, судья удалился в совещательную комнату на полчаса, вышел оттуда точно в срок и с самым неприступным, беспристрастным лицом отправил Аню под арест.

Потом была дорога в спецприемник. Двое ментов, которые везли Аню, ужасно хотели поскорее попасть домой, поэтому решили ехать с мигалкой, в обгон московских пробок. Мчась по улицам под улюлюканье сирены, Аня чувствовала себя крупной шишкой преступного мира. Эта часть дня тоже была разочаровывающе короткой: Аня смотрела на мельтешение домов за окном и думала, что даже самые невзрачные пятиэтажки обретаю невиданную прелесть, если их тебе показывают напоследок.

У спецприемника выяснилось, что рвение Аниных конвоиров было напрасным: перед воротами обнаружилась целая очередь из полицейских машин с арестантами.

Снова потянулось ожидание. Сначала менты выходили курить из машины по одному. Потом вместе. Потом с ними вышла постоять Аня. Разговор, естественно, зашел о политике – мент постарше нравоучительно рассказывал, как сильно Аня и ее товарищи, устраивающие несанкционированные митинги, вредят работе полиции. Отчитав Аню, мент перешел к судебной системе и раскритиковал ее за то, что Аня за свои дурацкие митинги вынуждена сидеть, а он ее – возить. Следом он обрушился на правительство, которое ворует: зарплата полицейских стремительно сокращается, а работа по разгону митингов – нет. Аня попыталась робко заметить, что между воровством и митингами налицо прямая связь, но ее конвоир в собеседнике не нуждался. Беспощадно бичуя окружающий его хаос, полицейский добрался до начальника спецприемника, который держал их в очереди на жаре и оказался самым коварным и могуще-

ственным врагом. Мент костерил его на чем свет стоит под молчаливое одобрение напарника, пока их наконец не пустили внутрь.

Аня настолько утомилась за день ожидания, что уже почти хотела попасть в камеру. Но не тут-то было. Конвоиры сдали ее местным полицейским и улизнули, а ее начали “оформлять”.

Процедура оформления была многосоставной и удивительно хаотичной. Для начала менты распотрошили сумку с вещами, которую Ане в суд привезли друзья. Она сама не знала, что там лежало, поэтому вместе с сотрудниками спецприемника с любопытством изучала каждый предмет. В этом было даже что-то приятное: как будто она достает из мешка Деда Мороза подарки. Резиновые шлепки или, скажем, нарезка колбасы были так себе радость, но Аня после этого нудного дня соглашалась довольствоваться малым.

Все вещи вскрыли, разрезали и перетрясли, примерно треть вообще запретили брать с собой, еще часть посоветовали на время оставить в камере хранения, чтобы не тащить с собой все сразу. Саму сумку тоже нужно было оставить в камере хранения, потому что, имея ручку-лямку, она “представляла угрозу”. Аня сперва даже не поняла, какую именно, и наивно спросила. Важный толстощекий мент, в котором она определила главного, посмотрел на нее из-под полуприкрытых век и сказал:

– Повеситься можно. – И Аня, содрогнувшись, решила впредь помалкивать.

Кроме сумки с лямкой, недопустимыми посчитали также точилку для карандашей (лезвие!), пакет семечек (мусор!), бальзам для волос (непрозрачный!), подушку и одеяло (тоже непрозрачные!) и много чего еще, где о причинах Ане оставалось только догадываться. Впрочем, когда ей велели выбросить апельсины, она сдалась и все же робко уточнила:

– А с апельсинами что?

– Можно накачать алкоголем.

– Чего? – ошарашенно переспросила Аня.

– Некоторые шприцом протыкают и впрыскивают спирт, – утомленно разъяснил толстощекий мент. – Мягкие фрукты и овощи не принимаем. Можно только яблоки, морковь, лук. И редис.

Когда Аня сгрузила растерзанные остатки вещей в пакет, ее повели к врачу на осмотр. Он проходил в маленькой камерке, примыкавшей к дежурной части. Посторонних здесь не было, но глазок камеры в углу под потолком намекал на сомнительную приватность.

Врачом оказалась нестарая пухленькая женщина в очках, которая могла бы показаться милой, если бы не выражение невыразимого презрения на лице. Она смерила Аню уничижительным взглядом, словно заранее знала, что та закоренелая негодяйка, и скомандовала раздеваться.

– Что, совсем? – спросила Аня, покосившись на камеру.

– Снимай рубашку и джинсы. Теперь повернись спиной. Тебя в отделе били?

– Что?!

– Значит, не били... А что это за синяки вдоль позвоночника?

Аня попыталась изогнуться, чтобы заглянуть себе через плечо, но ничего, конечно, не увидела.

– Какие еще синяки? – нервно уточнила она. – Это, может, я на матрасе отлежала...

– Ничего себе отлежала. Так, а этот синяк на ноге?

– А это я точно с велика упала недавно.

– С велика она упала... Жалобы есть?

– Нет! – торопливо воскликнула Аня. Врач в ту же секунду хлопнула своим журналом и пошла к выходу, умудряясь демонстрировать пренебрежение даже спиной.

Потом настал черед дактилоскопии. Это называлось “откатать пальцы”. Перед Аней положили листок А4, поделенный на квадратики: в маленьких квадратиках нужно было оставлять отпечатки подушечек, а в двух больших – ладоней целиком. Полицейская, блондинка

средних лет, принялась мазать Анины руки специальным валиком с блестящей черной краской.

– Краска очень хорошая, быстро смывается, – заверила женщина, поймав Анин настороженный взгляд. Было неясно, хвастается она или успокаивает.

Когда все наконец было сделано и Аня приготовилась оказаться в камере, важный толстощекий мент вынес из подсобки очередной журнал. Аня мысленно застонала. Тяжело опустившись на стул, мент раскрыл журнал перед собой, внимательно посмотрел на Аню и спросил:

– Ценные вещи описывать будем?

– Будем, – согласилась Аня, – а какие?

– Это вы мне скажите. Обычно телефон. Есть у вас телефон?

Аня кивнула.

– Давайте его сюда. А паспорт ее где? Ага, вот он. Тут СНИЛС лежит, тоже ценная вещь, опишем.

– Позвать понятых? – спросила блондинка-полицейская.

Важный мент кивнул и начал выводить что-то в тетради старательным вихристым почерком.

Женщина вышла из дежурной части – на пути ее сопровождал лязг открывающихся дверей. Аня насчитала три, прежде чем услышала, как она говорит кому-то: “Девушки, пойдемте, побудете понятыми, там как раз к вам девочку привезли”. Аня не разобрала, что ей ответили, но через некоторое время в коридоре зашлепали сланцы – несколько человек направлялись к дежурной части. Аня приготовилась.

Как она представляла себе будущих сокамерниц? В ее голове смешивались американские сериалы и российские новостные заметки, поэтому воображение рисовало что-то среднее между красивой спортивной блондинкой в оранжевой робе и жуткой изможденной бабой с платком на голове. Аня чувствовала, как напряжение нарастает по мере того, как приближается шлепанье, и когда из-за угла показалась первая фигура, она чуть не хлопнулась в обморок от избытка переживаний.

Вслед за полицейской в дежурную часть вошли две женщины. Аня впиалась в них взглядом и ощутила, как что-то внутри нее обрывается и падает, падает вниз, оставляя зияющую пустоту.

Спортивные блондинки явно попадают за решетку только в Америке.

Первая арестантка выглядела так, как будто ее только что освободили из подземелья. Ане бросилась в глаза ее болезненная худоба, костлявые плечи с россыпью фиолетовых прыщей, грудная клетка, сквозь которую проступали ребра. Она была одета в майку на тоненьких бретельках и на фоне ментов, упакованных в форму до ушей, казалась почти голой, что особенно нагоняло жути. Она больше походила на скелет из биологического класса, чем на живого человека. Лицо у женщины было изможденное, желтоватого цвета, на лоб жидкими лучиками падала челка. Из-под этой челки она смотрела на Аню и ментов осатанело злым взглядом.

Арестантка, шедшая следом за ней, выглядела лучше (впрочем, это было несложно), но тоже настораживала. Самым странным в ней было выражение лица – сонное и немного потерянное, словно она не до конца понимала, где находится. Другой странностью был наряд: в отличие от своей полуголой спутницы, она выглядела чересчур одетой, притом во все джинсовое – штаны, рубашку, застегнутую под горло, и куртку.

– Ну, что в-вам т-теперь еще надо? – спросила первая, обводя ментов разъяренным взглядом. Аня подумала, что заикание придает ей даже более злобный вид.

– Побудете понятыми, – ответил толстощекий мент, не отрываясь от писанины. – Телефон черный, марки “Эппл”, какой он у вас серии?

– Седьмой, – сказала Аня, продолжая украдкой пялиться на женщин.

– Седьмой серии, в чехле с яблоком, зарядка от него... от него же?... белая, с повреждениями... как это назвать?... ну, допустим, у основания. Документ пенсионного страхования номер 133–8096156...

Мент вывел последнюю цифру и подтолкнул журнал к полуголой.

– Проверяйте, – буркнул он.

Полуголая нехотя склонилась над столом и пробежалась глазами по строчкам. Аня с содроганием рассматривала ее лопатки, которые должны были вот-вот распороть кожу. Джинсовая все это время стояла, с ословелым видом уставившись в стену. Происходящее она полностью игнорировала.

– Ну вроде т-так.

– Расписывайтесь. Имя, фамилия и подпись.

Полуголая расписалась. Джинсовая сначала не двинулась с места, будто не слышала, но, получив от соседки тычок в бок, встрепенулась и тоже накорябала что-то в тетради.

Первая арестантка вдруг резко повернулась и обожгла Аню взглядом. От неожиданности та даже перестала дышать. Некоторое время женщина разглядывала Аню, совершенно не стесняясь, а потом внезапно расплылась в улыбке и сказала:

– Т-ты не б-бойся. У нас там все девочки очень хорошие. Никто т-тебя не обидит.

Аня вытаращила глаза. Она не знала, что поразило ее больше – такая доброжелательность или то, что у женщины не было переднего зуба.

– Спасибо большое, я не боюсь, – пробормотала Аня.

– Не бойся! – тут же очень громко повторила джинсовая и, глядя куда-то вбок от Ани, тоже по-детски счастливо улыбнулась.

У нее не хватало трех зубов.

– Пойдемте в камеру, девочки, – сказала полицейская.

Услышав ее голос, полуголая тут же изобразила на лице смертельное недовольство, однако развернулась и молча направилась к двери. Джинсовая не двинулась с места, продолжая счастливо улыбаться.

– Пойдем, дура, – прошипела первая и дернула арестантку за рукав. Та покачнулась, едва не потеряв равновесие, но послушно пошлепала следом. Улыбка все это время не сходила с ее лица.

– А сколько всего человек в женской камере? – после короткого молчания спросила Аня, глядя на дверь, за которой скрылись женщины.

– Пятеро, – сказал толстощекий мент. Он убрал Анины ценные вещи в полосатый мешочек с оттиснутой на нем цифрой “37” и только после этого поднял глаза. Что-то в лице Ани заставило мента сжалиться, потому что он добавил: – Да они нормальные все. Не наркоманки, не уголовницы.

После встречи с будущими соседками Анина решимость оказаться в камере заметно поугасла, но тут, как назло, ее и закончили оформлять. Прижав к груди пакет с разрешенными вещами, она двинулась к выходу из дежурной части. Дорогу показывал совсем юный мальчик-полицейский с торжественным и серьезным лицом.

За дверью, ведущей в недра спецприемника, обнаружилась вторая, а за ней – коридор, покрашенный зеленоватой краской. Окон здесь не было, только пронзительно-белые лампочки на потолке. Ане казалось, что она ступает по затонувшему кораблю, лежащему на морском дне. По обеим сторонам коридора располагались железные двери, каждая в бахроме щеколд и замков. У дверей к стене были приделаны странные сооружения – одинаковые метровые трубы с широкими открытыми раструбами. Аня на ходу заглянула в одну такую трубу, но ничего не увидела – внутри была темнота.

– А что это? – спросила она у мальчика.

– Вам знать не положено, – сурово ответил он.

Женская камера была одна и находилась ровно посередине коридора под номером три.
– Стойте здесь, – сказал ей мальчик и принялся перебирать ключи в связке.

Ключи были такими огромными, что выглядели бутаторскими. Казалось невероятным, что ими открывают настоящие замки, а не используют в качестве реквизита в школьных спектаклях. Выбрав ключ, мальчик сначала посмотрел через глазок внутрь камеры, потом сурово – на Аню и наконец со скрежетом открыл перед ней дверь.

Аня приняла свой самый независимый вид, выпрямилась, набрала в грудь побольше воздуха... и тут же закашлялась. Из камеры клубами валил табачный дым. В глазах сразу защищало. Эффектный заход оказался безнадежно испорчен, но деваться уже было некуда. Моргая, кашляя и стискивая пакет с вещами, Аня наугад шагнула в полутьму. Дверь за ней тотчас захлопнулась, и наступила тишина.

Ане потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к дыму. Разлепив наконец веки, она быстро огляделась – и тут увидела их.

Несколько женщин сидели в глубине комнаты и смотрели на Аню. Свет из окна широкими пластами падал им на плечи и лбы, отчего они казались не живыми людьми, а статуями, вырубленными из камня. Они молчали и были неподвижны, и Ане вдруг показалось, что они в самом деле не люди, а идолы, которых рассадили по кроватям. Камера тонула в дыму, и очертания идолов казались смазанными, как будто она смотрела на них сквозь запотевшее стекло. Секунды шли одна за другой, но каменные истуканы не шевелились. Аня почувствовала, как внутри у нее все холодеет.

– Ну, рассказывай, как зовут, сколько дали, – сказал ближайший идол, и морок рассеялся.

Женщины будто ожили. Та, что задала вопрос, затянулась сигаретой, которую она, как теперь заметила Аня, все время держала в руке. Дым от сигареты лентой тянулся в потолок. Все арестантки одновременно зашевелились, кто-то кашлянул, кто-то переменял позу. Они были совершенно обычными людьми, и Аня ощутила легкий укол стыда от того, что чуть было не поддавалась панике. Женщины бесцеремонно разглядывали Аню, и от их живых любопытных глаз она сама словно оттаяла.

– Зовут Аня. Дали десять суток.

– О, нам всем почти так дали! – сказала девушка, курившая сигарету.

– Тоже за езду без прав небось?

– Нет, вообще-то за митинг.

– Моя подруга однажды ходила на митинг! – воскликнула другая девушка, и, переводя взгляд на нее, Аня на секунду оторопела: та была темнокожей. Это было так неожиданно, как будто часть Аниных фантазий о сериальных тюрьмах вдруг осуществилась.

– А-а... сюда можно сесть? – опомнившись, спросила Аня и показала на свободную кровать.

– Да садись, куда хочешь, – фыркнула девушка с сигаретой.

Камера была просторной и не такой уж мрачной, как Ане почудилось в первую секунду, – стены здесь, например, были выкрашены в нежный персиковый цвет, что не слишком-то вязалось с Аниными представлениями о подобных местах. Кроме того, тут играло какое-то музыкальное радио – оглядевшись, Аня поняла, что звук идет из углубления над дверью, закрытого решетчатым щитком. Пол был деревянный, из мебели – одна покосившаяся тумбочка в углу, заваленная коробками с чаем и печеньем, и четыре узкие двухъярусные кровати. Один угол комнаты отвели под “ванную” – стены там были облицованы плиткой, имелась раковина и небольшой закуток – очевидно, туалет. Закуток этот был высотой Ане по плечи, а на его куцей двери красовался тетрадный листок с надписью “Включи воду”.

– Хочешь ч-чаю? – гостеприимно спросила Аню полуголая, которая была понятой.

– Если можно.

Полуголая встала и начала рыться в груди одеял, лежавших на верхнем ярусе кровати. Аня заозиралась в поисках чайника, хотя его наличие в камере, куда ей запретили проносить точилку, было бы сюрпризом. Тем временем женщина извлекла из-под завалов запотевшую пластиковую бутылку, плеснула оттуда воды в стакан и кинула чайный пакетик.

– Меня з-зовут Наташа, – сказала она, протягивая Ане чай, и ободряюще улыбнулась. Чай был чуть теплый.

Аня пробормотала что-то благодарное и торопливо сделала глоток. Она подумала, что важно продемонстрировать энтузиазм, чтобы никого не обидеть – мало ли какие здесь порядки. Остальные женщины молчали и продолжали смотреть на нее. Аня робко спросила:

– А вас как зовут?

– Меня Катя, – сказала девушка с сигаретой, выдохнув дым. Она говорила вальяжно, почти неохотно, как будто давала понять, что ей неинтересно и она отвечает из вежливости. Взгляд у нее при этом был до того цепкий и колющий, что каждый раз, когда она смотрела на Аню, той становилось не по себе. Глаза у Кати были светло-голубые, почти прозрачные, и резко выделялись на лице. Из-за контраста между ее голосом и взглядом Аня ощущала смутное беспокойство. Ничего отталкивающего в Кате не было, но Аня предпочла бы держаться от нее подальше.

– Меня зовут Диана, – сказала чернокожая девушка. Она была высокой и монументальной, в черном платье-колоколе и с пружинистым пучком волос на макушке. Взяв у Кати из рук сигарету, она изящно затянулась и вернула ее.

– А за что вы сюда попали? – осторожно спросила Аня.

– Мы с ней, – Диана кивнула на Катю, – за вождение без прав. На десять суток. По отдельности, но в один день.

– А я м-мусора обматерила, – сообщила Наташа. Себе она тоже налила чай и уселась на кровать.

– За это тоже в спецприемник сажают? – удивилась Аня.

– Ну да. Мы стояли с м-мужем возле магазина, у него в руках б-была банка пива. Закрытая! Подошли мусора, распиваете, говорят, п-пройдемте. А я эти штучки хорошо знаю, напроходила уже. Сказала, никуда мы с вами не пойдем. И п-пару ласковых. Ну меня и з-задержали, типа за неповиновение.

– А ты раньше уже сидела в спецприемнике? – спросила Аня.

Наташа снисходительно улыбнулась:

– Не в спецприемнике.

Аня быстро кивнула, стараясь сохранить непринужденное выражение лица. В голове завывала сирена. Очень хотелось спросить, за что именно Наташа сидела, но Аня сомневалась, что ответ ее порадует.

– Наташа у нас стреляный воробей, много полезного может рассказать, – насмешливо сказала Катя и потушила сигарету. Обведя сокамерниц холодными голубыми глазами, она остановилась на джинсовой женщине, которая тоже была у Ани понятой. – А вот Ирка у нас экзотический случай. Да, Ирка? За алименты сидит.

Все разом посмотрели на джинсовую женщину. До этого та сидела молча, забившись в угол кровати, но тут мгновенно оживилась от взглядов, заулыбалась и закивала. Аня была готова поклясться, что вопроса она не слышала. Иркино состояние вызывало у нее не меньше опасений, чем Наташина судимость, но спрашивать о нем и вовсе не хотелось.

– Я тоже за вождение без прав сюда попала, – подала голос пятая девушка, которая сидела на соседней от Ани кровати. Дождавшись, когда все обратили на нее внимание, она томно добавила: – Только у меня были права.

Аня посмотрела на нее и теперь по-настоящему не поверила глазам: перед ней сидела модель. Вернее, Аня затруднялась с точным определением ее профессии, но только потому,

что никогда не видела таких девушек вблизи – они попадались ей только на фотографиях в инстаграме. Девушка казалась офотошопленной даже сейчас, сидя в метре от Ани на продавленной тюремной койке: глаза – синие, волосы – чистый шелк, грудь – размера шестого. Она хлопала длинными ресницами и кокетливо надувала губы.

– В смысле, были права? – переспросила Аня, продолжая невежливо ее разглядывать.

– Да просроченные они у нее были, – отмахнулась Диана, которая явно слышала эту историю не в первый раз.

– Ну я же по ним нормально все время ездила! – капризно сказала девушка-модель и, тут же хитро улынувшись, пояснила Ане: – Меня лишили прав восемь месяцев назад, но я их не стала сдавать, еще чего! Меня Майя зовут.

– Очень приятно.

– Мне дали пять суток, а перед этим ночь продержали в ОВД, представляешь?!

– Представляю.

– Я там пыталась с собой покончить. Они мою сумку не забрали, а на ней была цепочка, я этой цепочкой обмотала шею и стала себя душить.

Аня вытаращила глаза:

– Э-э...

– Даже сознание потеряла на несколько секунд, – похвасталась Майя, явно довольная произведенным эффектом. – Потом я стала себе вены расцарапывать. Ой, я так стрессанула тогда!

– М-м...

– Вот, видишь! – Майя сунула Ане руку под нос. На запястье у нее и правда была тоненькая пунктирная линия запекшейся крови. – Но ничего, ментам тоже досталось! Когда они стали меня арестовывать, я одного укусила! А потом на суде мне стали намекать, что я могу взятку дать и меня выпустят, прикинь?

Аня на всякий случай кивнула. Ее поражало даже не то, что Майя говорила, а то, как – горделиво и напористо.

– Но я сказала нет. У меня правило – ни рубля этим блядам! – неожиданно рывкнув, закончила Майя, но в следующую же секунду снова расцвела улыбкой.

– Ой, да скажи спасибо, что только на п-пять суток, – недовольно сказала Наташа, отхлебывая чай. – И хорошо, что в д-дурку не отправили как с-суицидницу.

– А что, могли? – жалобно спросила Майя. Ее выражение лица и интонации менялись со скоростью мультяшного персонажа. За одну минуту она успевала побыть обиженной, испуганной, кокетливой, хитрой, милой и разгневанной.

– Конечно м-могли, и там бы тебе намного меньше понравилось, – заверила ее Наташа.

Майя притихла, видимо обдумывая такую возможность. Некоторое время все молчали. В тишине Наташа звучно хлопала чаем.

Наконец Катя отставила в сторону пластиковый стаканчик, который использовала как пепельницу, хлопнула себя по коленям и сообщила:

– Вообще-то мы играли в “Крокодила”. Ты с нами?

– Я лучше просто посмотрю для начала, – быстро ответила Аня. Она вообще недолюбливала эту игру, а изображать что-то перед пятью странными женщинами ей и вовсе не хотелось.

– Ну, как знаешь. А ты, кстати, куришь? Сигареты есть?

– Нет.

– Бля, а у нас три сиги осталось, – сказала темнокожая Диана и тут же недальновидно закурила.

– Ладно, у пятой стрельнем, – пообещала Катя. – И еще раз загадаешь мне слово “инвестиция”, я тебя убью.

Они обе заржали. Катя принялась искать какой-то пакет. Он обнаружился под Иркой, которая продолжала излучать безоблачное счастье, даже когда остальные принялись демонстративно зажимать себе носы и кричать: “Фу, Ирка, навоняла туда небось!” Как самая главная, Катя перемешала лежащие в пакете бумажки и протянула его остальным. Каждая арестантка вытянула себе по слову.

Начала Наташа. Выйдя в центр камеры, она воздела над собой руки, сомкнув их над головой, и требовательно посмотрела на соседок. Никто ничего не понял. Наташа посуровела. Она снова подняла руки, а потом изобразила вокруг себя что-то вроде брызг. Лицо у нее при этом было настолько мрачным, что все захихикали. Чем дольше никто не отгадывал ее слово, тем больше свирепела Наташа. Она буравила сокамерниц разъяренным взглядом, словно не сомневалась, что они давно все поняли, но не признаются назло. Наконец сдавшись, она стала просто тыкать пальцем в потолок, хотя это было не по правилам. Майя закричала: “Лампочка!” К Аниному удивлению, это оказалось правильно. Майя встала с кровати.

В полный рост она снова поразила Аню – оказалась такой миниатюрной, что на фоне остальных частей тела ее огромная грудь смотрелась теперь почти устрашающе. На ногах у Майи были кроссовки на высоченной платформе. Она ступала в них, слегка покачиваясь, и напоминала новорожденного олененка. Выйдя в центр камеры, Майя грациозно присела, оттопырив зад, и приставила пальцы к голове, как будто это были рожки. “Зайчик, зайчик!” – заорала Катя, тыча в нее пальцем. Майя с удовлетворенным видом поднялась и продефилировала обратно к своей койке.

Быстро стало ясно, что “Крокодил” не Катина игра. Она долго без толку махала руками и материлась сначала сквозь зубы, а потом в полный голос. Остальные только покатывались со смеху. Катя кричала, хохотала, ругалась, обзывала всех дурами и даже подпрыгивала, но к отгадке это остальных не приближало. Наконец, когда она окончательно озверела, Диана сжалась и заявила, что правильное слово – “Биг-Бен”. Оказалось, что она его и загадала.

– Как вообще можно показать Биг-Бен? – ярилась Катя. – Это хуже, чем инвестиция! У-у-у, убила бы!

– Могла бы просто себе на майку показать, – пожала плечами Диана, явно не впечатленная ее угрозами.

Все устали на Катину футболку. Катя оттянула ее вперед, чтобы рассмотреть получше. На футболке во всю грудь был изображен Биг-Бен. Катя взвыла и плюхнулась на кровать, скрестив руки и ноги.

Диана грациозно встала. Она была высокой и полной, но двигалась с поразительным изяществом. Выплыв на середину камеры, она подбоченилась и свысока оглядела соседок. В отличие от Наташи с Катей она явно обожала быть в центре внимания. Отставив одну ногу в сторону, она ткнула пальцем в себя.

– Биг-Бен? – неуверенно предположила Майя.

– Черный? – проворчала Наташа, разглядывая Дианино платье.

– Почти, почти! – злорадно закричала Катя, моментально оживляясь. Стало понятно, что на этот раз слово загадала она.

Диана высокомерно обвела всех взглядом и снова показала на себя.

– Нигер! – вдруг припечатала молчавшая до этого Ирка.

Все разом повернулись к ней. Она сидела, как и прежде, в углу и не шевелилась, так что Аня почти забыла о ее существовании. Как только все посмотрели на нее, Ирка расплылась в беззубой улыбке.

– Ты небось подсмотрела, пока на пакете сидела, – с досадой сказала Катя, снова скрестив руки на груди.

Ирка неуклюже встала с кровати и прошаркала в центр. Все глядели на нее с насмешкой, так что Аня даже почувствовала жалость. Повернувшись к сокамерницам, Ирка принялась

махать руками. Она тоже делала рожки над головой, тыкала пальцем в соседок, садилась на корточки, вставала на четвереньки – в общем, совершала огромное количество разнообразных действий без всякой логики. С ее лица не сходила улыбка. Ане казалось, что она просто получает удовольствие от движения.

Остальные некоторое время вяло предлагали варианты, но все было безуспешно. Они вскоре потеряли интерес.

– Т-так, и что ты п-показывала? – спросила Наташа, когда Ирку прогнали со сцены обратно на кровать.

– Ежика, – застенчиво ответила Ира.

Аня к этому моменту обнаружила, что страшно проголодалась – за исключением салата цезарь в суде, она сегодня ничего не ела.

– А ужин тут будет? – с надеждой спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Ужин уже был, – откликнулась Катя.

– А с душем тут как?

– Воды нет.

Аня тяжело вздохнула и подумала, что даже странно было ждать от такого длинного изнурительного дня другого завершения.

– Совсем нет? – на всякий случай уточнила она. – И долго не будет?

– Ну, горячий нет, – терпеливо растолковала ей Катя. – Отключили на профилактику. Ты можешь попросить отвести тебя в душ, новеньких обычно отводят. Но холод там собачий. А так вообще-то душ по четвергам.

До Ани не сразу дошел смысл последних слов.

– Что, один раз в неделю?!

– А т-ты думала, тут с-санаторий? – фыркнула Наташа, презрительно поморщившись. – Привыкай. Тут все к-как в тюрьме.

Аня хотела было сказать, что привыкать к тюрьме не входило в ее жизненные планы, но, застеснявшись Наташи, передумала. Вместо этого она спросила:

– А какой вообще здесь распорядок?

Наташа как самый большой специалист по тюрьмам взяла разъяснения на себя.

– Сначала завтрак. Д-девочки обычно не ходят. А тебя как, б-будить?

– Ну, можно попробовать, – неуверенно сказала Аня.

Как бы она ни хотела есть, мысль о завтраке в общественной столовой нагоняла тоску. Еще со времен детского сада Аня утвердилась во мнении, что по возможности их лучше избегать.

– П-потом утренний обход, – продолжала Наташа. – Дальше в течение дня в-выводят на звонки – это пятнадцать минут, и на п-прогулку – это час. Еще обед и ужин. Ну, д-дальше вечерний обход и отбой.

– А все остальное время?

– Все остальное время ты тут сидишь.

– Я думала, работать заставляют...

– Еще чего, т-тут же не з-зона! – засмеялась Наташа.

Это заявление в сочетании с предыдущим, что здесь все “как в тюрьме”, немного озадачило Аню, но она благоразумно решила не умничать.

– Катюха! – вдруг раздался за окном сбоку сдавленный возглас.

Катя, снова курившая, быстро передала сигарету Диане и в два прыжка забралась на подоконник. Окна здесь были под самым потолком, поэтому и подоконники располагались на высоте полутора метров от пола. Катины движения были ловкими и молниеносными. Пока она сидела, развась на кровати, сила в ней не ощущалась, но стоило ей вскочить, как Аня чувствовала исходивший от нее напор.

– Чего? – громко прошептала Катя в окно.
– Как дела? – спросили снаружи и хихикнули.
– Это Д-Димка из пятой, – заволновалась Наташа и привстала с кровати.
– Сиги попроси! – напомнила практичная Диана. Она тоже поднялась, хоть и нехотя, поправила платье и величаво подплыла к окну.

– У вас сиги есть? – надрывно прошептала Катя.

Последовала короткая пауза.

– Есть! – согласился невидимый Димка из пятой.

Все, кроме Майи и Ани, разом загомонили и повскакивали с кровати.

– А дайте нам несколько! – сказала Катя, властным жестом велел сокамерницам замолкнуть. Ирка с Наташей тут же послушно замолчали и даже снова сели. Только Диана осталась стоять с независимым видом.

– А на что меняетесь? – спросил Димка после очередной паузы.

– Яблоки можем дать! – шепотом подсказала Наташа, от волнения перестав заикаться.

– Яблоки дадим, – погромче сообщила Катя в окно.

– Ну давайте, засылайте яблоки, а мы вам сиги.

Девушки тут же отхлынули от окна и засуетились: Наташа шелестела пакетами, Диана набирала яблоки. Катя подошла к двери в камеру и громко постучала в нее кулаком. Глазок почти сразу приоткрылся, и Аня увидела, как в нем кто-то мелькнул.

– Яблоки в пятую передадите? – развязно спросила Катя. Ей что-то ответили, но Аня не расслышала что. – Ну пожа-а-алуйста, – мигом сменив тон на заискивающий, пронила Катя.

В двери с громким лязгом открылось небольшое окошко, и в камеру заглянула блондинка, которая откатывала Ане пальцы.

– Что у вас, яблоки? – устало спросила она. Катя торжественно передала ей через окошко собранный сокамерницами пакет. Женщина сунула в него нос и спросила: – Записок нет?

– Да больно надо нам им писать! – фыркнула Катя.

Полицейская вздохнула и закрыла окно. Прошло несколько минут.

– Может, зажлобились, суки? – предположила Ирка. Впервые за день она выглядела не просто бессмысленно счастливой, а как будто заинтересованной.

– Ой, т-только т-тебя не спросили! – раздраженно воскликнула Наташа.

Наконец снова лязгнуло окошечко, и в нем замаячило лицо полицейской.

– Пятая просила вам сигарет передать. Но, девочки, имейте в виду, первый и последний раз я вашим почтальоном работаю.

– Да-да, спасибо! – вскричала Катя, подбегая к двери. Когда окно снова захлопнулось, она добавила: – Так смешно, что она каждый раз это говорит.

Аня подумала, что спецприемник немного похож на летний лагерь для испорченных взрослых. Когда она была ребенком, то каждый год ездила в детские лагеря и страстно их обожала, потому что они были симулятором независимости, моделью большого мира, куда она стремилась попасть. Она презирала детей, которые в первую же ночь начинали рыдать и проситься к маме, – Аню, наоборот, захватывала перспектива на целый месяц остаться без родителей. Ей все нравилось: песни под гитару, страшилки на ночь, костры на прощание, все праздники, все конкурсы. Даже двухъярусные кровати – неизменный атрибут тамошних спален – казались ей самостоятельным аттракционом. В ее голове они сливались с самой идеей новизны и приключений.

Общежитие, в котором Аня прожила пять лет, переехав учиться в Москву, было следующей ступенькой на пути к взрослению. Оно хоть и оказалось приближенным к реальному миру, все еще напоминало летний лагерь – совместный быт, иллюзия взрослости, даже те же самые двухъярусные кровати. Это была как будто еще не настоящая жизнь, а демоверсия жизни, где ты мог в безопасной обстановке овладеть напоследок всеми необходимыми навыками.

Аня считала, что та самая долгожданная взрослость началась для нее с окончания университета и переезда в отдельную квартиру. В этот момент она окончательно выросла и не предполагала, что из этого состояния можно шагнуть назад. Однако ровно так она чувствовала себя теперь в спецприемнике, вновь сидя на двухъярусной кровати в окружении соседок. Ее как будто затягивало обратно, в игрушечную реальность. Если детские лагеря и общежитие приближали маленькую Аню к миру взрослых, то спецприемник, наоборот, снова низводил ее до положения ребенка, где свобода ограничивалась воспитателями, романтические отношения поддерживались записочками, а основной валютой были яблоки.

В замке опять заскрежетал ключ – двери тут были исключительно громкие. В камеру вошел толстощекий мент, которого Аня считала за главного.

– В душ пойдете? – строго спросил он Аню.

– А вода только холодная? Тогда не пойду.

– Ну, как хотите. Вот вам постельные принадлежности.

С этими словами он протянул Ане нечто похожее на многократно свернутую салфетку.

– Это что, постельное белье? – изумленно спросила Аня.

Мент сделался еще строже.

– Одноразовое. Вам завтра принесут обычное.

Аня повертела салфетку в руках.

– Не принесут, – сообщила Майя, как только мент вышел.

– В смысле?

– Они только так говорят, но никому еще не приносили.

Аня впервые заметила, что на матрасах у всех ее сокамерниц лежат такие же странные салфетки. Она развернула свою. “Постельные принадлежности” представляли собой два куска ткани: один длинный и узкий – простыня, второй квадратный в виде конверта – наволочка. Все это было сделано из материала, который Аня видела только в больницах – из него делались бахилы. Со вздохом она застелила постель (точнее, прикрыла “простыней” матрас) и потянулась за одеялом, которое комом лежало в изножье ее кровати.

– Возьми лучше другое, – многозначительно сказала Катя.

Аня замерла и посмотрела на одеяло с опаской:

– А что с ним?

– Воняет! – радостно пояснила Ирка, которая продолжала излучать незамутненное счастье, но, кажется, стала чуть живее реагировать на окружающую действительность.

Аня решила спать не раздеваясь.

Ее сокамерницы тоже стали укладываться. Майя юркнула под одеяло без колебаний – Аня с завистью подумала, что ее брезгливость, видимо, уже существенно ослабла за пару дней.

– Ой, девочки, так хочется в тепло, куда-нибудь в Доминикану... – мечтательно промурлыкала Майя.

Суровая Наташа, забравшись на верхний ярус кровати, тем временем наставляла Ирку, которая лежала на нижнем:

– Я тебя убью, если б-будешь ворочаться. К-каждый раз просыпаюсь среди ночи, потому что к-кровать аж трясется – а это ты с боку на бок п-переворачиваешься!

Ирка продолжала улыбаться как ни в чем не бывало.

– Чем ты там меня тыкаешь? – спрашивала Катя у Дианы.

Они занимали самую дальнюю от Ани кровать, у стены – Катя сверху, Диана снизу. Сейчас Диана лежала, задрав ноги, и сосредоточенно месила ими Катин матрас.

– Ногами. Перестать?

– Не-не, продолжай, прикольно.

– А радио тут вообще выключают? – спросила Аня. Она поняла, что все это время к мыслям в ее голове примешивались посторонние голоса, и только сейчас осознала, что радио не замолкало ни на секунду.

– Выключают после вечернего обхода, – откликнулась Катя. – Хотя забывали пару раз, приходилось стучать.

– А включают когда?

– После утреннего.

Вечерний обход Аня не запомнила – задремала, как только ее голова коснулась подушки. Откуда-то издалека она слышала лязг двери и голоса, потом резко стало темнее – это выключили основной свет. Еще через некоторое время выключили радио – тишина навалилась так внезапно, что Аня от нее почти проснулась. Она слышала, как на соседней койке сопит Майя. Аня внезапно почувствовала такое умиротворение, словно засыпала не в камере спецприемника, а на самой мягкой постели самого надежного дома. Этот бесконечный день наконец-то закончился, и все его страхи остались позади. Какими бы странными ни были Анины соседки, они ничем ей не угрожали, поэтому она могла наконец-то расслабиться. Подумав так, Аня приоткрыла глаза, чтобы в последний раз обвести взглядом камеру, и застыла.

Ира не спала. В розоватом свете единственной лампочки Аня видела ее фигуру, казавшуюся неестественно высокой. Аня точно помнила, что Ира вообще-то маленького роста, но теперь, сидя на кровати, она почти касалась макушкой второго яруса. Если бы она предстала бесконечной великаншей, кажется, Аню бы это напугало меньше, чем едва уловимая, но такая невозможная, дикая разница. Ира что-то бормотала – Аня видела, как лихорадочно шевелятся ее губы, но с них не слетало ни звука. Это было похоже на молитву или какой-то наговор, и Аня почувствовала, как ее охватывает паника – происходящее казалось чистым, дистиллированным безумием. И в этот момент Ира вдруг вскинула руки – в них что-то блеснуло. Аня приросла к кровати. Это были ножницы – ненатурально, фантазмагорически огромные, им неоткуда было взяться в камере спецприемника, однако вот они, сверкали в Ириных руках. Ужас захлестнул Аню в одно мгновение, как лесной пожар, и она даже не могла вздохнуть. И тут Ира медленно повернулась к ней.

Это была не Ира. Это была женщина, похожая на нее, но намного, в тысячу раз страшнее. Она была такой старой, что ее лицо в патине морщин почти невозможно было разобрать – оно, как у иконы, стерлось до мутного темного пятна. Сначала Ане в ужасе почудилось, что у женщины вообще нет глаз, но потом она поняла – глаза закрыты. Аня смотрела на нее, не в силах пошевелиться, скованная абсолютным, непосильным страхом – она бы хотела зажмуриться и перестать видеть, но не могла. Стояла непроницаемая тишина, чудовищное лицо с закрытыми глазами было по-прежнему обращено к Ане, а губы на этом лице невозможно быстро шевелились – и вдруг Аня поняла, что все это время женщина смотрит на нее, *видит ее*, хотя веки у нее плотно сомкнуты. Осознание этого было таким ослепительным, словно Аню из-за кулис вдруг выдернули на сияющую сцену – и тогда она наконец очнулась и истошно, захлебываясь, закричала.

День второй

Аня резко проснулась от дверного лязга и не сразу поняла, где находится. Ее взгляд упирался в низкий расписной потолок.

– Собираемся на завтрак, – сказал женский голос.

Дремотный туман в Аниной голове сразу же рассеялся. Она была в камере московского спецприемника и смотрела на матрас в цветочек, лежащий на верхнем ярусе ее кровати.

Она вздохнула и снова закрыла глаза. Вставать совершенно не хотелось. Рядом кто-то спрыгнул с койки и тут же недовольно заворчал. Аня подумала, что это наверняка Наташа – только она могла быть такой угрюмой с самого утра. Зашумела вода, скрипнула дверь туалета, потом кто-то высморкался и прошипел: “Ирка, дура, опять мне спать не давала всю ночь”. Точно, Наташа. Аня даже улыбнулась от того, что угадала, и тут же услышала, как Ира бормочет извинения. Стоило ей произнести первое слово, как к Ане разом вернулись воспоминания о прошлой ночи.

Она едва не подскочила на кровати и почувствовала, как внутри все сразу похолодело. Приоткрыв глаза, она сквозь ресницы оглядела камеру. Наташа стояла посреди комнаты, с деловым видом завязывая волосы в хвостик, сонная Ира сидела на своей кровати и неуклюже застегивала пуговицы на джинсовой рубашке. Она выглядела совершенно обычно, настолько, что при одном взгляде на нее Анин страх казался абсурдным. Аня старалась отыскать хотя бы намек, хотя бы отголосок того демонического существа, которое ей померещилось, но ничего угрожающего не видела. Она попыталась вспомнить, что произошло после того, как она закричала, но не смогла. Она как будто сразу же просто выключилась – между ее кошмаром и резким пробуждением пролегло несколько часов глухого ватного забытья. Аня подумала, что должна была бы всех перебудить своими воплями, но в утренней мгле камера выглядела так умиротворенно, что не верилось, будто ночью здесь мог произойти переполох. Если ее никто не слышал, не приснилось ли ей все это от начала до конца?

Дверь в камеру распахнулась.

– Пойдемте на завтрак, – сказал вчерашний мальчик-полицейский. – И мусор захватите. Наташа приблизилась к Ане – та тут же зажмурилась, притворяясь спящей.

– На завтрак п-пойдешь? – прошептала Наташа, но ответа не получила.

Аня слышала, что она несколько секунд помялась возле кровати, а потом отошла. Зашуршал пакет, Наташа сказала: “Бутылку возьми, дура!”, и они с Ирой наконец-то вышли из камеры.

Когда их голоса в коридоре смолкли, Аня несколько раз глубоко вздохнула. Требовалось успокоиться, очистить голову и подумать. Существовал один способ удостовериться, померещилось ей или нет, – надо было обыскать Ирину кровать. Огромные ножницы спрятать в камере было проблематично. Гораздо более проблематично, а даже скорее невозможно, было их сюда пронести – в зарождавшемся утреннем свете мысли обретали бескомпромиссную ясность. Тем не менее Аня села на кровати и огляделась. Все спали, она слышала, как ровно дышат ее сокамерницы. Каменея от страха быть пойманной, но подгоняемая страхом жить в комнате с вооруженной сумасшедшей женщиной, Аня прокралась к Ириной кровати. Пошупала подушку, посмотрела под ней – ничего. Приподняла и осторожно потрясла одеяло – тоже ничего. Под простыней-салфеткой и так невозможно было спрятать даже монету. Оставалось посмотреть под матрасом. Аня встала на четвереньки и, извернувшись, заглянула под кровать. Сквозь сетку каркаса было видно, что и здесь ничего нет.

– Ты что там делаешь? – раздался сверху изумленный голос. Ойкнув, Аня резко распрямилась и стукнулась головой о железную перекладину. Держась за затылок, она выползла из-

под кровати и увидела Майю. Та оторвала голову от подушки и наблюдала за ней с вытаращенными глазами.

– Мне показалось, тут кто-то шуршал, – брякнула Аня.

– Кто?!

– Ну, крыса...

– Крыыысааа?!!

– Мне только показалось!

– И ты решила проверить?!

– Нууу... – неуверенно протянула Аня. Ее положение стремительно становилось все более нелепым.

– И что?

– Вроде нет.

– Какой кошмар! – охнула Майя и даже села на кровати. – Нам нужно срочно сказать об этом. Пусть сейчас же травят. Пусть переводят в другое место. Пусть отпускают! Я не останусь в помещении, где живут крысы!

– Да я ведь ее не видела...

– Но ты ее слышала! Что еще могло там шуршать? Может, мышь?

– Ну, может, и мышь...

– Какая разница, крыса или мышь? Это недопустимо! Я буду жаловаться! Я здесь ни секунды больше не останусь!

– Да что вы орете? – рявкнула Катя с верхней койки.

– Аня видела тут крысу! – вскричала Майя и обличительно ткнула в Аню пальцем.

– Какую еще крысу?

– Да успокойтесь, мне показалось! – взмолилась Аня. – Просто померещилось шуршание, и я решила проверить. Но ничего не увидела!

– Зачем ты вообще полезла проверять?

Хороший вопрос, мрачно подумала Аня, но, к счастью, Майя опять запричитала:

– А если она там была и убежала? Таракана мы тут уже видели, может, и крысы есть? Или мыши? Может, это все-таки мышь?

– Майя, не верещи! – поморщившись, приказала Катя. Майя тут же замолкла и испуганно посмотрела на нее. – Тебе уже сто раз сказали, что не было там ничего. Поспать дайте.

– А вдруг было? – трагически прошептала Майя.

– Не было, не было, – повторила Аня, наконец вставая с пола. Затылок все еще гудел.

Она вернулась на свою кровать и слушала, как Майя долго укладывается, подтыкая под себя одеяло, чтобы ни одна крыса не добралась. Аня чувствовала смутное беспокойство. Ножниц она, конечно, не нашла, но ведь Ира могла носить их с собой. Под ее джинсовой броней можно было спрятать пулемет. Аня вздохнула. Нельзя идти на поводу у паранойи, сказала она себе, это был просто сон. Тем не менее иррациональный страх разгорался в ней тем ярче, чем больше она старалась себя успокоить.

Наташа и Ира быстро вернулись с завтрака. Аня тайком наблюдала за ними, но Ира по-прежнему выглядела обычнее некуда. Они забрались каждая на свой ярус, при этом Наташа продолжала шепотом ругаться, а Ира – невнятно ей что-то отвечать. Довольно скоро стало тихо, а через несколько минут с Ириной кровати донесся негромкий храп. Представить себе храпящее чудовище Ане было сложновато.

Она лежала и сквозь открытое окно слушала, как где-то на улице шаркает метла. Снова пришла мысль, что спецприемник – очень странное место. Странное и бесполезное: все наказание сводится к отдыху в строгих условиях. Ты можешь спать, сколько хочешь, бездельничать целый день, читать, разговаривать, тебя водят гулять и есть, и все это якобы должно тебя исправить.

Время шло, и здание стало оживать: в коридоре чаще звучали шаги и голоса, громко хлопали двери, кто-то что-то таскал под окнами. В камеру то и дело заглядывали через глазок, и Аню это страшно раздражало – она чувствовала себя лабораторной мышью за стеклом, на которую постоянно глазуют. Наконец шум разбудил и ее соседок. Первой сползла с кровати Катя. Позевывая и на ходу убирая волосы в хвост, она направилась к умывальнику. В отличие от Наташи с Ирой, собиравшихся на завтрак, она никого не боялась разбудить – включила сильный напор воды, долго шумно плескалась, потом, уронив с раковины мыло, громко выругалась. Остальные Анины соседки тоже заворочались и проснулись.

Аня ждала, когда у нее спросят, почему она так орала ночью, но никто не спрашивал. Зато опять обсудили Ирку, которая ворочалась и не давала спать лежащей на верхнем ярусе Наташе. Было бы странно, слушая сокамерниц, подумала Аня, если бы эта тема для разговора казалась им увлекательнее ее ночной истерики. Может быть, это в самом деле ей приснилась?

Когда все окончательно проснулись и уселись пить чай, дверь в камеру распахнулась. Вошли четверо полицейских – три женщины и один мужчина. Никого из них Аня раньше не видела, но эти менты сразу понравились ей куда меньше вчерашних. Морды у троих из них были совершенно каменные, и только одна девушка выглядела такой испуганной, что больше смахивала на заключенную, чем на тюремщицу.

Вошедшие выстроились полукругом, и одна из женщин вышла вперед. Она была невысокого роста и вся какая-то округлая – заправленная рубашка подчеркивала пухлый живот, брюки сидели на ней как на барабане, волосы завивались кольцами. Черты лица при этом у нее были совсем мелкие и собраны в самом центре – нос-пуговка, глаза-щелочки, губы как нитка. Однако самым странным было выражение этого лица. Оно казалось отсутствующим, будто неживым. Аня подумала, что даже если бы она постаралась изобразить такое перед зеркалом, ей вряд ли бы удалось.

Женщина открыла журнал, который держала в руках, и кашлянула. Анины соседки как по команде встали. Сидеть остались только она и Майя.

– Привстаньте! – сказала им женщина. Интонаций у нее тоже не было никаких.

Майя очень медленно поднялась и красиво облокотилась о кровать. Аня осталась сидеть, недоуменно оглядывая остальных.

– Привстаньте! – повторила женщина.

– Зачем? – спросила Аня с искренним удивлением.

– Потому что по уставу заключенные должны вставать. Привстань, кому говорят!

Аня так опешила, что подчинилась. Поразительным казались и сами слова, и тон, которым они были произнесены, – женщина повысила голос, но ни злости, ни нетерпения в нем не было. Казалось, что это прикрикнул не живой человек, а просто колесико громкости на радио выкрутили чересчур сильно.

– Фамилии, – приказала женщина, глядя в раскрытый журнал.

– Вилкова!

– Орлова!

– Леонова!

– Иванова!

– Андерсен, – томно сказала Майя.

Аня молчала, продолжая с немым изумлением наблюдать за происходящим.

– Фамилии! – снова громче обычного повторила женщина.

– Да Романова моя фамилия, – недовольно буркнула Аня в ответ. – Вы в своем журнале, что ли, не видите?

Не удостоив ее ответом, женщина тут же захлопнула журнал и кивнула стоящей возле нее другой каменномордой полицейской с густо подведенными глазами. Та сняла с пояса черный предмет, в котором Аня не сразу опознала металлоискатель, и принялась шарить им по

кроватям. Осмотр шел в полной тишине и длился всего пару минут. Анину кровать женщина обыскала особенно тщательно, перевернув подушку и перетряса одеяло. Аня почувствовала мгновенную вспышку негодования от того, что посторонний человек бесцеремонно вторгается в ее личное пространство, но заставила себя промолчать.

Закончив осмотр и так и не произнеся больше ни слова, менты стремительно вышли из камеры. Испуганная девочка выскочила последней.

– Фу, отвратительная смена, отвратительная дежурная, – передернула плечами Катя и плюхнулась на Дианину кровать. – Одно радует, что скоро уже выходить. Недолго осталось их видеть.

– А сколько тут вообще смен? – спросила Аня.

– Да три вроде. Завтра будет хороший дядька-дежурный, потом снова вчерашний, и опять эта баба. Она тут единственная такая, типа соблюдает устав.

– Ничего себе соблюдает, – проворчала Аня. – По-моему, она просто грубит. И вообще мертвая какая-то.

Наташа тем временем направилась к туалетному закутку и скрылась за дверью. Лицо у нее было, как обычно, угрюмое, но теперь еще и очень сосредоточенное. Через секунду раздался грохот, и она вынырнула из закутка, сдувая со лба челку. Руки ее были заняты тазиком и веником, под мышкой она держала швабру.

– Ладно, п-пора убраться! – возвестила она.

Аня сразу напряглась. Она плохо представляла себе местные порядки, но не сомневалась, что убираться сейчас заставят ее. Как в этой ситуации себя вести – презрительно отвергать тряпку? Отшучиваться? Ругаться? Сделать вид, что она обожает мыть полы и ничего унижительного в этом не видит?

Наташа тем временем шмякнула таз у раковины, к ней же прислонила швабру и с безмятежным видом принялась орудовать веником. Остальные не обращали на нее никакого внимания, только приподнимали ноги, когда она подметала под их кроватями. Аня смотрела во все глаза и не верила, что подвоха не будет. Когда Наташа добралась до ее койки, она не выдержала и робко спросила:

– Может, помочь тебе?

– Да не, все в порядке. Я п-просто люблю, чтоб чисто было. В тюрьме приучили.

Аня молча кивнула. Приятно было, конечно, тешить себя фантазиями, что это место – такой специфический санаторий, но Наташа умела ловко вернуть человека к действительности.

Управившись с веником, Наташа принялась мыть пол. Аня заворуженно наблюдала, как она бесстрашно хватает грязную тряпку голыми руками, полощет в мутной воде и плюхает на швабру. Хоть остальные по-прежнему игнорировали Наташин энтузиазм, она нисколько его не теряла.

В разгар уборки заиграло радио – от неожиданности все подскочили, и только Наташа продолжала самоотверженно драить полы, не отвлекаясь на мелочи. Покончив с мытьем, она удовлетворенно объявила: “Т-теперь м-можно ходить босиком!” – и тут же скинула шлепки. Аня внутренне содрогнулась.

Время двигалось не то чтобы медленно – независимо от Ани. Часов здесь не было, поэтому она даже не понимала: уже пора маяться со скуки или еще нет? На радио бесконечной чередой играли песни, изредка прерываемые на рекламу. Новостей не было, время не передавали. По ощущениям Ане казалось, что сейчас около десяти утра, но она себе не очень-то доверяла: без часов она не ориентировалась. Вдруг вспомнился Саша с его суперспособностью: он мог сказать ей “разбуди меня в три” и проснуться самостоятельно за минуту до срока. “Как ты это делаешь? – допытывалась Аня. – Ты же спишь и не можешь знать, сколько прошло!” Саша говорил, что с детства привык, да и вообще, мол, в деревне это обычная практика – там люди решают проснуться в пять утра и просыпаются в пять утра. “Ты просто городская, вы

тут все жить не можете без будильника”, – снисходительно говорил он. Аня терпеть не могла этот его сельский снобизм, но тут крыть было нечем – Сашино умение чувствовать время было неоспоримым и почти мистическим.

Аня тряхнула головой, стараясь прогнать воспоминания. Она столько лет дрессировала себя их избегать, что обычно переключаться не составляло труда. Ее всегда окружало множество других вещей, о которых можно подумать. Аня огляделась – ее соседки спали или читали, Диана рисовала что-то фломастерами в тетрадке, высунув язык. Она выглядела даже трогательно: такая статная и величественная и с таким непосредственным выражением лица. Аня взяла одну книгу из тех, что ей в сумку положили друзья, открыла ее, не взглянув на название, и уставилась на страницу. Буквы расплывались, но Аня продолжала смотреть в разворот как в раскрытое окно, через которое ей показывали комнату в общежитии, двухъярусную кровать у стены и Сашу, спящего на этой кровати. Ане казалось, что она раздваивается: одновременно находится в камере спецприемника и там, в комнате с Сашей. Она знала, что *там* он сейчас проснется, подойдет к ней, моргая со сна, и обнимет. Она подождет чуть-чуть и поведет плечами, чтобы высвободиться, а он разомкнет руки в ту же секунду, без недовольства или разочарования. В течение нескольких лет ее отношения с Сашей качались от любовного угара до полного охлаждения, но чрезмерные ожидания не отягощали их никогда.

Аня прикрыла глаза, и перед ней, как в калейдоскопе, завертелись образы. Щербатый паркет в общажной комнате. Красный Сашин плед, такой мохнатый, что пальцы утопали в его длинном ворсе. Низкий рокочущий звук чайника и всегда следом – тонкий скрип шкафа, где стояла посуда. Бежевые пупырчатые обои, на которых Аня, безжалостно пропахав пупырышки шариковой ручкой, написала неприличное слово. Золотая покосившаяся цифра “2” на двери. Соня. Вихор ее челки и слегка вздернутый нос. Как она сидела на первой парте, поджав под себя ногу, и грызла ручку. Ее карие глаза, взгляд – мягче бархата, теплее огня. Бесконечная ревность омыла Аню при одной только этой мысли.

Саша всегда хвалился местом, где родился: крохотная деревня в Новосибирской области была центром его мифологии, в которую он всех с удовольствием посвящал. Аню в принципе поражала такая безусловная любовь к малой родине, но они-то учились в МГИМО, а тут это выглядело особенно дико. В их общежитии, заселенном бедными олимпиадниками, все мечтали мимикрировать под основной мгимовский контингент, и только Сашу тянуло к корням. Он обожал щеголять перед тепличными москвичами историями из своей суровой сибирской жизни – как он колол дрова, как безудержно пил самогон, как ездил на дискотеку в соседнее село на разбитых “жигулях”. Для создания более сногшибательного эффекта Саша иногда переходил на деревенский говор (Аня полагала, выдуманный). В общем, он весь был такой Есенин, даром что темноволосый, но эта стратегия приносила очевидные дивиденды – падкие на экзотику девушки вились вокруг него роем. Аня относилась к Сашиним рассказам с иронией, переходящей в скепсис, но когда на пятом курсе он вдруг предложил ей съездить вместе в Новосибирск, она, конечно, сразу согласилась. Ей казалось, будто она несколько лет читала книгу про выдуманное место, а потом магическим образом получила возможность перенестись в него и исследовать. Соня, разумеется, согласилась тоже. Они поехали втроем.

Формально они полетели от университета на научную конференцию, но в самом Новосибирске не задержались ни на минуту – из аэропорта доехали до вокзала, а оттуда на электричках – до Сашиной деревни. Строго говоря, это оказалась все же не деревня, а целый районный центр, – впрочем, на циничный Анин взгляд вся разница заключалась только в наличии здесь крохотной площади, заросшей травой, с порывистым Лениным на пьедестале.

До конференции в итоге добрался один только Саша, который как главный организатор их поездки чувствовал перед университетом некоторую ответственность. Это заняло у него ровно один день. Всю остальную неделю их основным занятием было кочевать из одного дома

Сашиных родственников в другой. Он был местной легендой – мальчик, который поступил в МГИМО. На улице его узнавал каждый второй. На застольях – а они тут не прекращались по случаю его приезда – обязательно находился какой-нибудь пьяный дед, который начинал предаваться воспоминаниям о Сашином детстве.

Спустя несколько дней Аня была вынуждена признать, что Саша не врал. Цветистые рассказы, которыми он охмурял девушек в Москве, были правдой – по крайней мере, они то и дело всплывали в чужих разговорах и тостах. Аня, впрочем, не торопилась признавать поражение и старалась держаться насмешливо. Другое дело Соня – она смотрела на Сашу с восхищением, которое росло день ото дня. Она и раньше верила каждому его слову, а теперь наконец-то целыми днями могла любоваться им в ореоле заслуженной славы.

Эта поездка была особенной, и Аня часто мыслями возвращалась к ней. Все утра здесь начинались одинаково: Аня просыпалась от солнца, светившего ей прямо в лицо, открывала глаза и сквозь тонкую занавеску, отделявшую ее часть комнаты, видела синее-синее небо в окне. Кровать у нее была высоченная, с воздушной белой периной, и Аня скорее съезжала с нее, чем вставала. Деревянный пол обжигал холодом. Аня торопливо одевалась, умывалась ледяной водой, которая непременно мочила рукава и затекала за воротник, и выбегала на улицу. Стоял апрель, и все вокруг казалось молодым и ослепительно чистым: высоченное небо, лужи, подернутые хрупким льдом, изморозь на только что проклюнувшейся траве, дома в солнечных бликах. Аня бежала по улице, дыша глубоко, насколько хватало легких. Она глядела вокруг и не могла наглядеться, но, словно на контрасте с этой торжествующей ревущей красотой, чувствовала себя крохотной и сокрушительно одинокой.

Она добежала до дома, где ночевали Саша с Соней – Аня ночевала в другом, потому что здесь на всех якобы не хватало места, – и они вместе завтракали. Потом они шли в Сашину школу, где все учителя норовили затащить его на свой урок, чтобы предъявить классу как живой пример важности образования. Они пили чай с завучем, заходили к кому-нибудь в гости, а потом Саша водил их по окрестностям, показывая местные достопримечательности вроде заброшенных гаражей или тарзанки над речным обрывом.

Только однажды они ночевали вместе. В тот день они отправились в соседнюю деревню в гости к очередному Сашиному дяде. Это был особенно шумный и пьяный вечер – пить начали засветло, гудели всю ночь. Саша посреди пиршества вдруг захотел сходить в баню, объявил, что растопит ее сам, и пропал – утром выяснилось, что, доковыляв до бани, он мирно уснул на лавке. Пока он оставался в доме, Соня не отходила от него ни на шаг. Аня смотрела на них, не отрываясь, пока не поняла, что больше не вынесет.

Она вышла на улицу и села на крыльцо. К ней тут же подбежала огромная белая собака. Собаку звали Астра, и с ней первым делом знакомили всех гостей: то ли чтобы они не пугались, то ли чтобы она их нечаянно не загрызла. Астра ткнулась носом в Анин лоб, позволила обнять себя и покорно стояла, пока Аня заливалась слезами от ревности, злости и разочарования. “Астрочка, – шептала она, зарываясь лицом в густую собачью шерсть, – ну как же так? Как это все получилось?”

Потом сзади послышались шаги, и Аня отпрянула от собаки. Та мгновенно растворилась в темноте. Рядом на крыльцо села Соня. Она была в каких-то десяти сантиметрах, и Ане казалось, что они сидят так близко, что та сейчас оставит на ней ожог. Аня с трудом подавила в себе желание отодвинуться и спросила с вызовом: “Где же Саша?” Соня пожала плечами: “Где-то ходит”. Она произнесла это так мягко, что Ане захотелось выть. Разозлившись на собственную слабость, она резко спросила: “Неужели ты способна протянуть без него целых пять минут?” – “Я решила, что мне намного важнее побыть с тобой”. Аня не выдержала и посмотрела на нее. Сонины волосы казались позолоченными в свете, льющемся из приоткрытой двери, а взгляд был такой ласковый, что Аня почувствовала, как в ней все тает и осыпается. Она поскорее отвернулась и, демонстративно шмыгнув носом, сказала что-то грубовато-веселое. Соня рас-

смеялась. Это был ее самый лучший смех, которым она раньше всегда смеялась с Аней, и той на секунду показалось, что все еще не закончилось. Она схватила Соню за руку. Соня осторожно переплела свои пальцы с ее. Аня вскочила, повлекла Соню за собой в дом, потом наверх по лестнице. Они забежали в первую попавшуюся комнату. Там было темно и стоял разложенный диван, накрытый покрывалом. От покрывала едва уловимо пахло пылью, снизу доносились приглушенные смех и крики. Соня даже не поцеловала ее – скорее коснулась губами ее губ, и Аня с остервенением рванула на ней одежду, почувствовала, что больно впивается ей в кожу, и захотела сделать еще больнее, захотела ущипнуть, ударить, хлестнуть по щеке и одновременно прижать к себе так крепко, как только возможно, уткнуться в шею, не выпускать никогда. Соня часто дышала, а внутри Ани все грохотало от восторга – и вместе с тем какая-то маленькая ее часть словно смотрела на все со стороны и не верила, что с ней это происходит: диван, накрытый старым покрывалом, в доме, наводненном незнакомыми людьми, посреди сибирского леса. Микроскопическая точка на карте, одно из бесчисленного количества мест, куда она попала случайно и больше не попадет, – и сейчас это вдруг превратилось в эпицентр ее жизни, где она держала в объятиях девушку, которую любит, и впервые за несколько месяцев чувствовала себя счастливой.

Утро выдалось хмурым и ожидаемо похмельным. Сони рядом не было. Внизу раздавался звон посуды. Ане потребовалось собраться с духом, чтобы выйти к людям – она знала, что вчера никто ничего не заметил, но при одной мысли, что сейчас нужно будет натягивать улыбку и разговаривать с посторонними, становилось противно. В последний момент, уже подходя к кухне, откуда слышались голоса, Аня передумала и проскользнула мимо. Успела только бросить взгляд в открытую дверь – Саша с дядей уже опять сидели над стопками, дядина жена мыла посуду, Соня вытирала чистые тарелки.

Аня выбралась за калитку и торопливо зашагала по дороге. Она боялась, что ее окликнут из дома, и не могла придумать ни одной нормальной причины, почему решила уйти. К счастью, никто ее не позвал, дом наконец скрылся за поворотом, и Аня пошла медленнее.

Деревня закончилась очень быстро, от наезженной дороги остались только две колеи, протертые колесами. Аня брела совершенно бесцельно, не глядя по сторонам. В голове у нее мелькали вспышки из сегодняшней ночи, от которых становилось очень тепло и немного стыдно. Следом пришел обрывок из более ранних воспоминаний: Соня сидит у стола, оседлав лавку, и завороченно смотрит на пьяного Сашу. Возникший в ту же секунду приступ ревности был таким болезненным, что Аня даже прижала руку к груди, словно попытавшись его сдержать. Почему чувства всегда возникают в грудной клетке и как вообще они могут причинять такую отчетливую физическую боль?

Дорога привела Аню в березовую рощу на вершине холма. Неподалеку Аня увидела выжженное кострище в кольце разбитых кирпичей и поваленное дерево рядом. Она села на него и посмотрела вниз с холма. Отсюда деревня казалась россыпью игрушечных домиков. В метре от Ани на мерзлой траве валялась ржавая консервная банка с разъявленной крышкой, на которой сидела бабочка. Бабочка не шевелилась, и Аня смотрела на нее до тех пор, пока та не начала расплываться перед глазами.

Она думала о Соне. Аня представляла, как сегодня утром Соня встала и тихо вышла из комнаты, чтобы ее не разбудить. Как спустилась вниз, нашла Сашу. Как легко держалась с его родственниками, как сама вызвалась помочь на кухне. Наверное, у нее и похмелья не было. Страдальчески вздохнув, Аня уткнулась лбом в колени. Она завидовала Сониной правды, открытости и ясности желаний. Пока сама она сидела на каком-то холме, обдуваемом всеми ветрами, и шарахалась между ревностью, любовью, надеждой и сомнениями, Соня на теплой кухне вытирала тарелки и точно знала, зачем она это делает и чего хочет.

Аня даже тихонько застонала, вспомнив, как схватила вчера Соню за руку и потащила наверх. Зачем она поддалась на ее теплоту? Она уже давно старалась не оставаться с Соней

наедине, потому что была уверена, что это обернется разочарованием на следующий день. И оно обернулось. Аня заскрежетала зубами. Ей хотелось разозлиться на Соню за ее бессердечие, за то, что она ее обманула, но злость не приходила. Она знала, что Соней двигала не жестокость, а сочувствие, хотя сейчас это знание ранило Аню даже сильнее.

Не выдержав этих мыслей, она резко поднялась на ноги. Потревоженная бабочка взлетела, потрепетала в воздухе крыльями и опять опустилась на банку. Аня решительно зашагала обратно в деревню. Побегом делу не поможешь, а последствия своих действий нужно встречать без страха. Пока Аня спускалась с холма, ветер тычками пихал ее в спину. Она возвращалась к своим самым близким людям, но чувствовала себя так, как будто отправляется в бой.

Ане, сидящей на кровати в спецприемнике, даже не верилось, что она помнит столько подробностей: эту бабочку, эту консервную банку, этот ветер порывами. Она как будто смотрела кино, только с эффектом погружения, чувствуя то же, что чувствовала тогда. Увлеченная своими воспоминаниями, она не обращала внимания на происходящее в камере, пока где-то справа над ее головой не раздался свист.

Анино кинематографическое видение тут же рассеялось, но она не сразу поняла, что происходит. Зато ее сокамерницы разом ожили и синхронно повернулись к окну. Снаружи на оконной решетке, просунув в камеру нос, висел парень.

– Ну что, девочки, как у вас дела? – игриво спросил он. Рядом с его головой выросла еще одна и произнесла:

– Новенькие есть?

– Есть, – вальяжно сказала Катя. Она отложила журнал, который читала, и посмотрела на парней из-под полуприкрытых век, демонстрируя безразличие.

Ане показалось, что она похожа на хищную большую кошку, которая ждет, когда жертва потеряет бдительность и приблизится.

– А сиги у вас есть?

– Андрюх, есть? – спросил первый парень куда-то в сторону. После паузы оттуда раздалось протяжное “нееее”. – И что за новенькая? Новенькая, покажись!

Анины сокамерницы посмотрели на нее. Она в ответ поднесла книжку поближе к глазам и сделала вид, что читает.

– Не будет она вам показываться, раз сиги не даете, – сообщила Катя и снова отгородилась журналом.

– Ну и ладно. А Майя где? Майечка, хоть ты покажись!

Майя все это время тоже читала, но, услышав, что ее окликнули, встрепенулась и вопросительно посмотрела на Катю. Та пожала плечами, не поднимая глаз от журнала.

– Где там Майя, пацаны? – спросил кто-то третий и тут же материализовался в окне. Аня подумала, что им всем должно быть очень неудобно висеть на решетке и что они похожи на мартышек.

– Да тут я, – с деланным смущением сказала Майя.

Снаружи все загомонили:

– Майя, покажись, поговори с нами!

Майя как бы нехотя полезла на верхний ярус своей кровати, который пустовал. Она старалась двигаться как можно грациознее, но оступилась и чуть не упала, хотя виду не подала. “Сядь поближе, сядь поближе!” – волнуясь, закричали из окна. Наташа, занимавшая соседний верхний ярус, исподлобья посмотрела на Майю. Увидев, что та вознамерилась перебраться на ее кровать, она пробормотала себе под нос что-то неодобрительное, но подтянула ноги поближе. Майя села на освободившееся место и чинно сложила руки на коленях, приняв самую скромную позу из всех возможных.

Снаружи раздался одобрителный вой, людей на решетке еще прибавилось. Аня забеспокоилась, что она рухнет.

– Какая ты красивая, Майечка! – сказал самый первый из парней. – Тебя тут никто не обижает?

– Нет, – кокетливо ответила Майя, трепеща ресницами.

– А парень у тебя есть?

– Есть.

– Бросай его и давай встречаться со мной!

Майя помотала головой. По ее длинным блестящим волосам пробежали волны.

– Да чё ты ломаешься, ты когда выходишь?

– Через три дня.

– Ну вот, а я послезавтра выхожу. Ты во сколько?

– А вам зачем?

– Ну как это зачем, Майечка, я тебя встречу, и пойдем гулять. Давай я тебе свой номер дам!

– Спецприемник – не место для знакомства, – назидательно сказала Майя.

Удивительно – что бы она ни говорила, она продолжала так сладко улыбаться, что любой нормальный человек должен был впасть в ступор от таких противоречивых сигналов. Так подумала Аня, но парни за окном, кажется, никуда не впадали – они явно не придавали никакого значения тому, что Майя говорит.

– Какие у тебя красивые волосы, Майечка! – напевали они из-за решетки. – Настоящие?

– Да!

– И глаза у тебя такие красивые! Голубые! Такой редкий цвет!

– Да!

– И губки у тебя такие красивые, тоже настоящие?

– Да!

– Какие же у тебя папа с мамой молодцы, такая красивая девочка у них получилась!

Аня поднесла книгу еще ближе к лицу, чтобы совсем за ней спрятаться. Все происходящее вызывало у нее смесь оторопи и веселья. Истомившиеся парни штурмовали камеру, тянули сквозь решетку руки и звали к Майе, умоляя ее приблизиться. Она, потупив глаза и изображая ангельскую невинность, восседала на безопасном расстоянии и не шевелилась. Аня подумала, что эта сцена – точное и самое прямолинейное воплощение модели, которой всех обучают в детстве: девочки должны быть неприступны, а мальчики напористы. А еще – что никогда прежде не встречала у людей такой готовности следовать искусственным правилам игры и одновременно – такого подлинного, всамделишного накала.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалось Майино позирование, но тут привалило новое развлечение. Дверь камеры открылась, и одна из утренних каменномордых женщин, та, что обыскивала Анину койку, недобро спросила:

– Звонить пойдете?

Все закричали “да-а!” и поскакивали с кроватей.

Их вывели в коридор и построили в ряд. Первой оказалась Диана – грациозно покачивая бедрами, она направилась в дежурную часть. Там наизготове, широко расставив ноги, как вратарь, стояла утренняя женщина-робот.

– Орлова, – сказала Диана.

Женщина побуравила ее взглядом, словно хотела удостовериться, что та не врет, и скрылась в дежурной части. Через полминуты она вернулась, неся в руках полосатый мешочек – такой же, как тот, в который вчера положили и Анины “ценные вещи”.

– Телефон, зарядка? – нелюбезно уточнила она.

– Да.

Женщина запустила руку в мешочек и принялась шарить в нем, по-прежнему неотрывно глядя на Диану. Ане показалось, что сейчас она достанет оттуда не телефон, а бочонок лото. Но сюрприза не случилось. Прежде чем отдать Диане ее собственность, женщина заставила ее расписаться в тетрадке.

– А сколько дается на звонки? – шепотом спросила Аня у Наташи, стоявшей перед ней.

– П-пятнадцать минут вообще-то. М-могут и дольше, если забудут. – Но эта смена т-точно не забудет. Ты передо мной иди, у меня все равно все работают и т-трубку, наверное, не возьмут.

Катя, Майя и Ира последовательно скрылись за Дианой в маленькой каморке, где Аню вчера осматривал врач. Когда очередь наконец-то дошла до нее, вся процедура повторилась в точности: женщина стояла не шелохнувшись, пока Аня не приблизилась и не назвала свою фамилию, потом ушла за мешком, вернулась и спросила:

– Телефон, зарядка?

– Нет, только телефон, – сказала Аня.

Женщина уже было засунула руку в мешок, но тут остановилась и уставилась на Аню. Взгляд у нее был не удивленный, а тупой, словно до нее не дошел смысл Аниных слов.

– А зарядка?

– Да она мне пока не нужна.

– Точно не нужна? А то сейчас зайдешь и через пять минут попросишь!

– Я же сказала, нет.

Дежурная вытащила телефон, Аня потянулась к нему.

– Сначала расписывайся.

– Убегу я от вас, что ли, – раздраженно сказала Аня, чиркнув в тетрадке.

– Убежишь или нет, а порядок нужно соблюдать! – гаркнула женщина, снова неожиданно повысив голос.

Аня выхватила у нее из рук телефон и зашла в каморку.

Звонить там оказалось совершенно невозможно – сеть ловила плохо, кафельные стены отражали звук, и несколько голосов, звучащих одновременно, сливались в сплошной неразборчивый гул. Аня проверила соцсети – в фейсбуке была тонна упоминаний, фотографии, как ее волокут омоновцы, гневные антирежимные посты друзей, а в личке куча сообщений с пожеланиями держаться, лозунгами “Россия будет свободной!” и обещаниями страшной кары, которая обрушится на всех причастных к ее аресту.

Покончив с соцсетями, Аня перешла к мессенджерам – там тоже были в основном пожелания держаться, но не от фейсбучных, а от настоящих друзей, звучащие поэтому менее пафосно и более иронично. От мамы было три сообщения – Аня ответила, что соседки у нее нормальные, условия тоже, а кормят вообще отлично. Нашлось сообщение и от папы, который спрашивал, как она держится и в каком спецприемнике сидит. Это было странно, потому что отец уже несколько лет жил в другой стране, да и вообще не слишком-то интересовался Аниной жизнью. Аня подавила желание ответить: “А тебе зачем?”, и написала, как есть. В конце концов, шанс, что он очутится в Москве, был ничтожен, да и спецприемник казался надежным местом не только на выход, но и на вход. Кроме того, Аня давно решила поддерживать с отцом контакт, который был бы минимально приемлем. Это значило отвечать вежливо и коротко, поздравлять с праздниками, не задавать вопросов и никогда не выяснять отношения.

Едва только Аня успела отправить последнее сообщение, как дверь в каморку открылась и женщина-робот сказала:

– Сдаем телефоны.

Все начали торопливо прощаться. Наташа, все это время со скучающим видом игравшая в “Змейку”, тут же отдала телефон и вышла. Аня тоже вернула свой с легкостью – пятнадцать минут интернета было так безнадежно мало, что она даже не успела прочувствовать, что теряет.

– Я сказала, чтобы нам сигарет закинули, – объявила Катя, когда они снова оказались в камере. – Должны завтра передать.

Все разбрелись по койкам.

– А я поговорила с мужем, и так домой захотелось, – мечтательно сказала Диана, вытягиваясь на кровати. Кровать под ней заметно прогнулась. Диана распустила волосы, и они разметались по подушке пышной пружинистой копной. – Дома я его убить готова, а тут несколько дней не видела и соскучилась...

– Видишь, как полезно в тюрючке сидеть! – хихикнула Катя. Она поелозила на верхней койке, устраиваясь поудобнее.

– Не прыгай там, пыль летит, – поморщилась Диана, отмахиваясь. – Да, отсюда это все как-то по-другому воспринимается. Когда у меня муж сидел, а я к нему в Брянскую область таскалась, я по нему совсем не скучала.

– А у тебя муж сидел? – спросила Майя. Она подложила под спину подушку, прикрыла ноги одеялом и изобразила на лице такую вежливую заинтересованность, словно они вели совершенно обычный светский разговор.

– Ага, по два-два-восемь. С травой его приняли. Но это мой предыдущий муж, второй. Он умер.

– Во дает, да? – воскликнула Катя, энергично перевернувшись на кровати к соседкам. Диана снизу опять замахала руками, отгоняя невидимую пыль. – Ей еще двадцати пяти нет, а уже три раза замуж повыскачила!

– Ой, да мне двадцать пять уже на следующей неделе исполняется, – поморщилась Диана. – А ты вот, Наташа, скучаешь по мужу?

Наташа передернула костлявыми плечами. Она положила перед собой на кровать кроссворд и смотрела в него, задумчиво грызя ручку.

– Да я т-тут от него хоть отдохну! – наконец сказала она. – Хотя п-пока я на зоне сидела, скучала, да.

Аня подумала, что уже достаточно освоилась, чтобы задать волнующий ее вопрос.

– А ты за что сидела? – осторожно поинтересовалась она.

– Сто п-пятьдесят восьмая.

– Это что значит?

– Кража это, – ответила за Наташу Катя.

Аня подавила вздох облегчения.

– А что хуже, тюрьма или спецприемник? – продолжила Майя свою светскую беседу.

– А т-ты к-как думаешь? – фыркнула Наташа. Она швырнула кроссворд в изножье кровати и сама плюхнулась на живот.

Диана, некоторое время пристально рассматривавшая лежащий над ней Катин матрас, привстала и вытянула из него длинную нитку. Накрутив ее на палец и не глядя на остальных, она сказала как бы по секрету:

– Я как раз представляла себе, что тут все как на зоне. Как муж рассказывал. Ну тот, предыдущий. Когда меня сюда везли с суда, я думала: вот зайду – а мне в ноги тряпку кинут!

– И что? – нахмурив лобик, спросила Майя.

– Ну, это такая тюремная проверка, ты что, не слышала никогда?

Майя испуганно покачала головой. Аня ее понимала.

– Ну надо перешагнуть или ноги вытереть. Я сама не помню, – призналась Диана. – Главное, не поднимать и даже не спрашивать, почему это она тут лежит.

– А если поднимешь?.. – дрогнувшим голосом спросила Майя.

– Да не к-кидает никто тряпки, – раздраженно перебила Наташа, снова отрываясь от кроссворда. – Все люди как люди. Если вести себя умеешь, то ничего с т-тобой не случится. Когда я впервые попала в свой барак, т-там была смотрящая, Василиса. Она м-меня сразу к себе

позвала, правила объяснила и говорит: “У меня есть телефон, я его даю д-девочкам позвонить ночью. Ничего за это не б-беру”. И спрашивает дальше: “Ясно? П-повтори, что я сказала?” А я ей отвечаю: “Ничего. Ты разве что-то сказала? Я ничего не слышала”. Она говорит: “Молодец. Не п-первый раз, наверное, на зоне, или научил кто?” – “Научил, – говорю, – б-брат”.

– Я ничего не понимаю, – жалобно прошептала Майя, повернувшись к Ане.

– Ну так она показала, что вертухаям ничего не скажет, если ее спросят. Меня муж этому тоже учил, – нетерпеливо пояснила Диана. – А эта Василиса твоя за что сидела?

– А она д-двадцать человек убила, – равнодушно ответила Наташа, вписывая слово в кроссворд.

– Двадцать человек?! – ахнула Майя.

– Ну, она не одна. Да может, п-помните, б-было такое громкое дело несколько лет назад? Скинхеды убивали чурок в Москве. Еще собственного товарища п-прикончили, отрубили г-голову в ванной. Не помните? Ну вот Василиса с ними в б-банде была. Она очень умная, в МГУ училась.

Некоторое время все молчали, обдумывая услышанное. Наташа как ни в чем не бывало заполняла кроссворд. Диана сняла нитку с пальца, потом снова ее накрутила.

– Всегда было интересно, а такие люди – они раскаиваются? – задумчиво сказала она.

– Не знаю, – буркнула Наташа, не отрываясь от кроссворда. – Я у нее не с-спрашивала.

В замке снова загремел ключ. Аня подумала, что для исправительного учреждения у них весьма насыщенная жизнь.

На пороге стояла испуганная девушка-полицейская.

– Обедать пойдете? – пролепетала она, переминаясь с ноги на ногу.

– Рано сегодня как-то, – заметила Катя, зевнув.

Зато Ирка, которая за весь их разговор не проронила ни слова, как обычно забившись в угол кровати, при одном только упоминании обеда встрепенулась.

– В самый раз! – воскликнула она и резво вскочила на ноги.

Аня сразу насторожилась от такой внезапной прыти. На ум пришел ее ночной кошмар. Несмотря на то что сейчас Ирка мало походила на демоническую убийцу, Аня все равно ее побаивалась – уж слишком стремительными были перепады ее настроения. Она могла часами сидеть не шевелясь и глупо улыбаться, а потом необъяснимо бурно отреагировать на случайную фразу.

Сборы на обед заняли одно мгновение – требовалось всего лишь взять пустую пластиковую бутылку для кипятка. Когда все направились к двери, Аня обратила внимание, что Майя осталась сидеть на кровати.

– А ты разве не пойдешь? – удивилась она.

– Она никогда не ходит, – равнодушно бросила Диана.

Аня изумленно перевела взгляд с нее на Майю:

– Почему?!

– Я не могу есть эту еду, – скорбно ответила Майя и в подтверждение своей печали натянула одеяло до груди.

Аня ужаснулась:

– Она что, настолько плохая?!

– Да нормальная там еда, – отмахнулась Катя. Она уже стояла в дверях. – Это она просто выпендривается.

Аня опять посмотрела на Майю. Та сидела с таким несчастным видом, что жалко стало оставлять ее одну.

– Ну давай просто так с нами сходишь, – позвала Аня, – что ты будешь тут сидеть?

Майя раздумывала несколько секунд, но затем встала с кровати и, пошатываясь на своих каблучках, направилась за сокамерницами.

В этот раз, выйдя, все двинулись по коридору в противоположную от дежурной части сторону. Аня снова подивилась тому, как можно было покрасить стены в такой удручающе зеленый цвет. В свете белых ламп он казался потусторонним.

Коридор был совсем коротким – они прошли пару крепких железных дверей, ведущих в другие камеры, и остановились перед запертой решеткой. За ней виднелась лестница на второй этаж, освещенная большим окном. Девушка-полицейская отомкнула решетку, и Анины соседки двинулись вверх.

Лестничный пролет уже показался Ане непривычно светлым, но, зайдя в столовую, она просто обомлела – тут все сияло. Белый кафель, белые стены, два огромных окна, за которыми виднелись тополя и панельные дома вдалеке. Столовая была небольшая, в мебели прослеживался традиционный минимализм – посередине стоял стол, составленный из нескольких сдвинутых вместе, вдоль него тянулись две привинченные к полу лавки. В одной стене были проделаны два квадратных окошка – девушки дружно устремились к одному из них. Аня пошла следом.

Через окошко было видно кухню – там царил суматоха. Несколько мужчин таскали алюминиевые канистры, на боках которых красной краской было что-то намалевано, еще один носил подносы с кружками. На единственной плите закипали сразу три чайника, четвертый, электрический, бурлил рядом на столе. Ни одной женщины среди работников кухни не было, что показалось Ане неожиданно прогрессивно для спецприемника. Она шепотом сказала об этом стоявшей рядом Диане.

– Так они здесь не работают, а тоже, как мы, сидят, – так же шепотом ответила Диана. – Просто помогают, а им за это какие-то ништяки дают. Они баландеры называются.

– О, девчонки пришли! – приветственно сказал белобрысый парень, появляясь из глубины кухни. Он подошел к окошку для раздачи и облокотился на бортик, словно бабушка из советской сказки. В руке у него был половник.

– Что на первое? – деловито спросила Катя, встав у окошка и уперев руки в бока.

– Борщ, – ответил парень и приподнял крышку бидона. Оттуда повалил пар.

Анины сокамерницы по очереди взяли у него из рук алюминиевые миски с борщом и усадились за стол. Майя к окошку не приближалась, сразу примостившись на лавке со скорбным, но благочестивым видом.

Когда очередь дошла до Ани, парень отработанным движением зачерпнул борщ и спросил, не глядя:

– Новенькая?

– Да, – сказала Аня, наблюдая, как он наливает борщ в миску. – А что есть, кроме борща?

– Гречка с котлетой.

– Можно мне гречку?

– Да пожалуйста. – Парень опрокинул борщ обратно в бидон и шмякнул в ту же миску гречневую кашу. – За что тебя?

– За митинг.

Парень присвистнул:

– За ми-и-итинг? А против чего митинговала?

– Против коррупции.

– И что, много вас таких?

– Много.

– А сколько это стоит?

– Что стоит?

– Ну, вам же за митинги платят?

Белобрысый держал в руках полную тарелку, но не торопился ее отдавать. Аню он разглядывал, снисходительно ухмыляясь. Она почувствовала, что начинает раздражаться, и холодно ответила:

– Нет, не платят.

– Ой, да не рассказывай. А зачем ты тогда пошла?

Аня осторожно взяла из его рук миску с гречкой, стараясь ничем не выдать своей злости, и спросила в ответ:

– А тебя самого за что посадили?

– Ехал на мопеде без шлема, – пожал плечами парень.

– За это сутки дают?

– Нет, просто менты хотели, чтобы я им на лапу дал, а я не стал. Тогда они написали, что я в нетрезвом виде ехал.

– И ты у меня спрашиваешь, почему я на митинг против коррупции хожу?

Белобрысый хмыкнул. Аня, посчитав разговор законченным, пошла к столу.

– А ты первое не будешь? – жадно спросила ее Ирка. Она ела борщ с такой скоростью, что едва не захлебывалась.

– Нет.

– Леха, налей мне еще борща за девочку, она же все равно не ест! – крикнула Ирка в сторону кухни.

– А больше тебе ничего не сделать? – иронично спросил Леха, снова показываясь в окошке.

– Ну что тебе, жалко, что ли?

– Да давай уже сюда тарелку. А ты там чего сидишь как неприкаянная? – обратился он к Майе. – Тебе чего-нибудь положить?

Майя покачала головой, трагически глядя на Леху.

– Ты вообще хоть что-нибудь ешь? – сочувственно спросил он.

– Я такую еду есть не могу.

– Да ладно, нормальная бывает еда. Борщ, например, вообще отличный.

– Из таких тарелок я тоже есть не могу.

– А с тарелками что не так? – любопытствовала Катя, шустро орудуя ложкой.

– Ну, они неаккуратные. И вообще как собачьи миски.

Некоторое время тишину в столовой нарушал только стук ложек.

– И ты все пять дней собираешься не есть? – уточнила Аня, покосившись на Майю. Ей было даже немного неловко перед ней, что все так шумно едят.

Майя кивнула:

– Мне сестра яблоки обещала принести.

– А что ты обычно на свободе ешь? – с набитым ртом поинтересовалась Диана. – Ты готовишь вообще?

Майя так опешила от этого предположения, что неуверенно поднесла руку к груди и спросила:

– Я?! Нет, конечно. Я все заказываю. Хотя однажды я готовила пасту, но ее я тоже заказала в “Партии еды”. Знаете, это когда вам приходит набор продуктов и инструкция, как все правильно смешать.

– Паста – это макароны по-нашему? – презрительно спросила Катя, поднимаясь из-за стола за вторым.

– Ну, паста это... паста. Но, наверное, можно сказать, что и макароны. Что еще я ем?... Вот я устриц люблю, например. Омаров. Вообще, морепродукты очень люблю.

– Да, непросто тебе тут будет, – после короткой паузы резюмировала Диана.

Пожилой мужчина во фланелевой рубашке, шаркая, вышел из кухни. Он нес поднос с кружками и чайником.

– Берите чай, девочки, пока горячий.

– Этот чай лучше не п-пить, – прошептала Ане Наташа. – Травя, а не чай.

Катя протянула мужчине пластиковую бутылку.

– Лучше кипятку нам налейте, Виктор Иванович.

– Нальем, конечно, отчего же не налить, – степенно сказал Виктор Иваныч и пошаркал обратно на кухню. – Андрей, налей кипяток девочкам!

Через минуту в кухонном окошке появился еще один баландер. Он был одет в ярко-желтую толстовку на молнии и имел такое юное и чистое лицо, что казался совсем ребенком. На бортик окошка он поставил запотевшую, перекошенную от горячей воды бутылку.

– Сколько, интересно, ему лет? – наклонившись к Наташе, удивленно сказала Аня.

Та пожала плечами:

– Вроде в-восемнадцать.

– А за что он тут?

– Эй, – хрипло крикнула Наташа Андрею. – Тебя за что п-посадили?

– Без прав поймали, – ответил тот. Ане показалось, что он старается добавить голосу баса.

Испуганная полицейская, все это время сидевшая на стуле в углу, встала и робко спросила, все ли пообедали. Аня успела даже забыть о ее существовании.

– Мне еще надо в медпункт! – заявила Ирка.

– О-о-о, начинается, – усмехнулась Диана и облизнула ложку.

– Зачем вам в медпункт? Вы нехорошо себя чувствуете?

– Мне там должны выдать таблетки.

Полицейская беспомощно огляделась.

– Да мы тут побудем, – милостиво сказала Катя. – Никуда не уйдем. Медпункт вон же, вы за нами и оттуда посмотреть сможете.

Аня проследила за Катиным жестом – белая дверь с красным крестом в самом деле виднелась напротив них, рядом с входом в столовую.

– Какие таблетки вам должны выдать? – спросила полицейская у Ирки.

– Лирику.

– Если врач их вам действительно прописал, я в камеру принесу. – Выходите.

– Но мне нужно сейчас! Мне всегда дают после обеда!

– Я выясню и принесу вам их, если вы действительно их принимаете.

Ирка продолжала возмущаться, но остальные явно не желали бунтовать из-за ее таблеток. Все направились вниз.

Аню насторожило и то, что Ирка принимала какие-то таинственные лекарства со странным названием, и то, что девушка-полицейская сомневалась, действительно ли ей их выписали. Хотелось внести ясность, но спрашивать прямо она опять постеснялась.

Зато Майе смущение было неведомо.

– А для чего у тебя лекарства? – непосредственно спросила она, как только дверь камеры за ними закрылась.

– А... ну... у меня судороги, – замаявшись поначалу, буркнула Ирка.

От ее внезапной энергичности, которая так поразила Аню перед обедом, не осталось и следа. Ирка выглядела угрюмой и апатичной. Она доплелась до своей кровати, нарочно почти не отрывая ноги от пола, и плюхнулась на нее, скрестив руки на груди.

– Ой, сочувствую, – воскликнула Майя.

Наташа, услышав Иркин ответ, презрительно фыркнула, но промолчала. Забравшись на кровать над Иркиной, она неторопливо расправила одеяло, села поудобнее и только после этого с мрачным удовлетворением произнесла:

– Да в-врет она. Наркота это.

– Тсссс! – испуганно зашипела Ирка, высовываясь со своей кровати и глядя на Наташу снизу вверх.

Аня вытаращила глаза и изумленно переводила взгляд с Иры на Наташу.

– Какая еще наркота?! – спросила она наконец и сама удивилась, как высоко прозвучал ее голос.

– Да обычная, – ответила Наташа. Несмотря на показное равнодушие, она явно была довольна произведенным эффектом. – В аптеке п-продается. Вполне легально м-можно купить.

– Это вообще-то лекарство от эпилепсии, но от него штырит, – перебила Катя, закуривая. Она залезла на подоконник и выпустила дым через решетку во двор. – Торчки и алкаши им закидываются, да, Ирка?

– Нет, это такое лекарство, – упрямо ответила Ирка. Она ни на кого больше не смотрела, а просто сидела, уставившись на свою простыню, опять скрестив руки на груди.

– Но тебя же от него штырит?

Ирка помолчала.

– Штырит, – нехотя признала она.

– Да она нам уже хвасталась, как целую махинацию тут провернула, – наябедничала Диана. Она тоже закурила и встала рядом с Катей, дымя в окно. – Какой-то ее дружан-алкаш принес ей его сюда – она вроде как в аварию попала несколько лет назад и с тех пор лирику якобы от судорог принимает.

– А какой от нее эффект? – с любопытством спросила Майя, усевшись на свою кровать и не сводя глаз с Ирки.

Все остальные тоже на нее посмотрели. Ира, почувствовав на себе взгляды, рассеянно потерла пальцем простыню.

– Ну-у-у... весело, – наконец сообщила она. Голос у нее при этом был неуверенный.

– Да никогда не з-знаешь, чего ждать, – проворчала Наташа, укутываясь в одеяло. – Т-то не затыкается, то, наоборот, ходит п-пришибленная. Аня видела ее, когда нас п-понятыми вызвали, Ирка еле языком ворочала!

Аня подумала, что вчера для полноты впечатлений ей не хватало только этого – узнать, что ее понятая в эту самую минуту под кайфом.

– А ты и в обычной жизни употребляешь? – продолжала допытываться Майя, разглядывая Иру с исследовательским интересом.

– Ну да, когда деньги есть. Я вообще больше бухаю.

Катя и Диана заржали.

– А зачем ты бухаешь? – не отставала Майя.

Ирка, кажется, всерьез задумалась. Она подняла глаза и некоторое время смотрела на Майю, беззвучно шевеля губами.

– Да от безделья, наверное, – наконец сказала она.

На Аню это неожиданное здравомыслие произвело впечатление, но удивить Майю было не так просто.

– Тогда почему ты чем-нибудь не займешься?

– А чем?

– Ну, я вот вообще не понимаю, что значит бездельничать. У меня постоянные дела: то маникюр, то массаж, то спортзал. Неужели у тебя ничего такого нет?

– Да какие у меня дела! – слабо улыбнулась Ирка. Аня подумала, что по сравнению с остальными ее сокамерницами она была невиннее всех – улыбалась глуповатой, но открытой улыбкой, а когда хмурилась, то выглядела искренне расстроенной. – Я работу пыталась найти, но не могу. Поэтому и дочке алименты не плачу. Ну нет работы – и все тут.

– А дочка с кем живет? С отцом?

– Не-е-ет! С отцом, ну ты и скажешь! – захихикала Ирка. – Она с матерью моей живет. Мать моя у нее как бы опекун.

– И сколько ты уже алименты не платишь? – продолжала допрос Майя.

– Ну вот сколько она у матери живет? Четыре года уже. Поначалу я еще платила, потому что работала, но последние года два нет. Или три. Наверное, три. Но это ничего, через месяц ей восемнадцать исполнится, и платить вообще будет не надо!

– Тебя за это сюда и посадили? – спросила Аня. Своей бесхитростностью Ирка вызывала у нее сочувствие. – Мать пожаловалась, что ты не платишь?

– Да нет, – махнула рукой Ирка. – Она не жаловалась. Это как бы государство. Оно должно у меня деньги забирать и отдавать дочке. Только у меня забирать нечего. Мать говорит, хорошо, что тебя посадили, хоть две недели не бухаешь.

– Получается, ты посидишь тут, освободишься, вот и вся расплата? – выдохнув дым колечками, спросила Катя. – Братъ же у тебя все равно нечего.

– Могут потом еще в колонию-поселение отправить, – с готовностью ответила Ирка. – На полгода. Мать говорит, это было бы еще лучше, тогда я целых полгода бухать не буду.

Все помолчали.

– Тебе б вообще полезно было, – сухо заметила Катя.

Ирка задумалась.

– Да я не очень хочу в колонию, – наконец призналась она. – И работать тоже не хочу, все равно меня отовсюду выгоняют, потому что бухаю.

– Но ты же на что-то все-таки живешь? – спросила Майя. – Бухаешь вот ты на что?

– Да это друзья в основном. Есть у меня, например, друг, он палатку во дворе держит. Арсен зовут. Он мне то пиво дает, то водку.

– Просто так дает? – подначила Ирку Диана. Их с Катей явно забавляла Ирина неожиданная разговорчивость, и они старались спровоцировать сокамерницу на что-нибудь особенно нелепое, чтобы насмеяться всласть.

Аня подумала, что Диана с Катей похожи на двух злых школьниц, которые травят забитую одноклассницу. Перевела взгляд на Майю – та была такой же злой школьницей, только более лицемерной. Иру она слушала, источая повышенное и самое вежливое внимание, что на самом деле казалось другой крайностью издевательства. Только Наташа сидела на своем верхнем ярусе и молчала с мрачным видом. Она больше не принимала участия в разговоре, но реагировала на отдельные реплики, недовольно кривя лицо. Особенно доставалось Ире, впрочем, по Наташе нельзя было понять, что ее особенно раздражает – простодушие Иркиных ответов или сам факт ее существования.

На Ирку тем временем становилось все жалче смотреть – всеобщее внимание так окрылило ее, что хотелось немедленно ее спасти. Она явно принимала интерес к себе за чистую монету.

– Ну нет, конечно, не просто так, – сказала она. – Пиво, например, дает, если отсосу.

В камере мгновенно наступила тишина. Катя, которая в этот момент тушила бычок в стакане, обратилась в камень.

– Чего? – оторопело переспросила она через несколько секунд.

– Я говорю: пиво, например, дает, если отсосу, – погромче сказала Ира.

Все снова помолчали.

– А водку? – спросила наконец Диана.

– А водку – если нормально потрахаемся.

– Ты с ним спишь за бутылку? – спросила Майя. Как ни странно, выражение вежливого внимания она сохраняла по-прежнему.

– Однажды он мне пятьсот рублей дал. Но тогда я кое-что еще делала!

– Без подробностей! – завопила Диана. Она упала на койку (та пронзительно заскрипела), обняла подушку и как будто спряталась за ней.

– А я с ней еще на одной к-кровати сплю! – по-настоящему зло рявкнула сверху Наташа.

Катя прислонилась к окну и сказала с бесконечной брезгливостью, приближающейся к восхищению:

– Ирка, ну ты и поблядушка, оказывается!

Ирка захихикала. Аня почему-то снова обратила внимание на ее беззубый рот.

– Мне и больше платят. Мы как-то на природу ездили вдвоем – я за ночь две тысячи заработала!

– Рублей? – тут же деловито уточнила Майя.

– Ну да.

– Д-да уж явно не д-долларов! Т-ты ее в-видела, кто с ней вообще трахаться будет?

– Не могу это слышать, – сказала Катя и спрыгнула с подоконника. – Когда мы уже гулять пойдем, хоть развеяться. И что, тебе нормально с этим?

– А что такого?

– Ты трахаешься за бутылку пива!

– Когда мне денег дают, мне больше нравится! – заверила Ира.

Продолжая демонстративно кривиться и плевать, все пустились в обсуждение Иркиной аморальности и постепенно потеряли к ней самый интерес. Ирка еще несколько раз пыталась вернуть к себе внимание новыми подробностями своей биографии, но остальные были слишком увлечены коллективным порицанием. Она скоро замолчала, а Аня, не участвовавшая во всеобщем развлечении, опять уткнулась в книжку. На этот раз она наконец заметила, что читает Достоевского.

Теперь время потянулось действительно медленно. Ничего не происходило, разговоры тоже постепенно сошли на нет. Аня поначалу радовалась, что может сосредоточиться на книге, но скоро открыла для себя новую проблему. Читать под радио было невозможно. Если иностранные песни еще получалось как-то игнорировать, то русскоязычные вгрызались в мозг, вытесняя любую мысль. Аня ворочалась на кровати в безнадежной попытке принять положение, которое подарит ей спасительную тишину, но предсказуемо его не находила. Мимо камеры то и дело кто-то проходил, гремели другие двери, доносились голоса, но про нее с соседками как будто все забыли.

Во внутренний двор вывели очередную партию заключенных – Анины сокамерницы сперва оживились, но снова быстро заскучали: сигарет им никто не дал, а слушать дифирамбы в адрес Майи было неинтересно. Майя, впрочем, и сама осталась к ним глуха и не стала даже показываться поклонникам. До этого она нашла в тумбочке потерянный детектив Ю Несбё, оставшийся от прежних сидельцев, и теперь валялась на кровати, морща лобик и изредка переворачивая страницы. Аня наблюдала за ней исподтишка и все пыталась решить, кажется ли ей Майя красивой. Она определенно приковывала взгляд, неясно было только, чем больше – правильностью черт или их вызывающей кукольной ненатуральностью.

Вслед за радио Аня возненавидела свою подушку, матрас и конструкцию кровати в принципе – удобно на ней устроиться было решительно невозможно. Стоило только Ане подумать, что она наконец-то нашла идеальную позу, как что-то начинало ей мешать. Подушка просачивалась сквозь решетку изголовья, и металлические прутья впивались в спину. Бок отлеживался. Шея затекала. Верхний ярус загораживал свет. Когда наконец к ним в камеру заглянула каменномордая женщина с накрашенными глазами и велела собираться на прогулку, Аня почувствовала неукротимый прилив любви к ней.

Впрочем, прогулочный двор настолько разошелся с Аниными ожиданиями, что никакая любовь не могла скрасить впечатление.

Первое, что Аня поняла: довольно самонадеянно называть это двором. Место, где она с сокамерницами оказалась, скорее напоминало еще одно помещение, просто с прозрачной крышей. Одной стеной этой комнаты была стена спецприемника. К ней было пристроено еще три – вместе они образовывали узкий и длинный прямоугольник, по которому заключенным и предлагалось гулять. Под ногами – асфальт, над головой – решетка, поверх которой прозрачная пластиковая крыша. Между стенами и крышей имелся небольшой зазор, через который в эту странную комнату поступал свежий воздух. Впрочем, толку от него было мало – даже сейчас, когда солнце постепенно клонилось к закату, во дворе было жарко, как в парнике. Аня с содроганием представила, каково тут гулять в полдень.

Единственная лавочка стояла под окнами их камеры – судя по всему, парни сначала вставали на нее, а потом цеплялись за решетку. Во двор выходили окна еще нескольких камер. Аня окинула взглядом стену – везде она имела нетронутый кремовый цвет и только под их окнами вся была вымазана черными следами от обуви.

Наташа решительно направилась к лавочке, в одиночку подняла ее и перенесла к стене напротив, в тень. Остальные поплелись за ней, только Катя осталась стоять, перебрасывая в руках странного вида пакет – он был чем-то плотно набит, ручки завязаны. Катя достала его из-под своей кровати в камере, как только их позвали на прогулку. Взглянув на Аню, она перехватила ее взгляд и сказала:

– Это наш мяч. Будешь играть?

– Ну, давай...

– Диана, давай с нами. В “Горячую картошку”. Ирка, будешь?

Ира тут же с готовностью вскочила.

– Ты будешь собачка, – осадила ее Катя.

– Ну почему опять я, – заныла Ирка, – вы всегда высоко кидаете, я поймать не могу.

Катя не стала ее слушать и швырнула “мяч” Диане. Та перебросила его Ане. Ирка, стоя в треугольнике между ними, сделала вялую попытку его перехватить. Аня кинула пакет Кате, не до конца понимая, зачем согласилась в этом участвовать. “Мяч” летел медленно и тяжело. Катя снова отправила его Диане, а Диана сказала:

– Не хочу в “Горячую картошку”. Давайте в вышибалы, – и тут же прицельно кинула пакетом в Ирку.

Та взвизгнула, когда пакет влетел ей в бок, и тут же расхохоталась. Катя, не дав ей опомниться, схватила пакет с земли и тоже швырнула его в Иру. “Я пас”, – сказала Аня и отошла к лавочке. Сидя на ней, она наблюдала, как Диана и Катя продолжают избивать Ирку пыльным “мячом”, а та ойкает и заливается смехом.

– О, вот и девчонки на прогулку вышли! – сказал кто-то в окне напротив.

Аня почти не могла разглядеть лиц за решеткой в глубине камеры, но, судя по возне, зрителей там становилось все больше.

Майя, сидевшая рядом с ней, молниеносно выпрямилась и изящно полуобернула голову, как бы следя за игрой.

– Ой, Майечка, моя любимая девочка, и ты здесь, – слащаво протянул кто-то из окна.

– Начинается, – сварливо пробурчала Наташа.

Сидеть рядом с Майей было все равно что выставляться на витрине – казалось, что места, более насыщенного вождением, не найти. Аня быстро не выдержала и перешла к противоположной стене, где ее не было видно из окон. Майя же наслаждалась происходящим, при этом делая вид, что не замечает всеобщего помешательства. Кто-то попросил ее повернуться – Майя встала и плавно обернулась вокруг своей оси, стараясь двигаться как можно соблазнительнее. Все это время она сохраняла на лице невинное недоумение, словно никак не могла взять в толк, зачем кому-то смотреть на нее с разных ракурсов.

Спустя двадцать минут Аня стала мечтать о камере с несмолкающим радио и пыточной кроватью. К счастью, не она одна – Кате наконец-то надоело играть в вышибалы, и, подойдя к решетке, отделяющей прогулочный двор от недр спецприемника, она принялась голосить, чтобы их запустили обратно.

– Мне лекарство не дают, – захныкала Ирка, когда их завели в камеру.

– Какое лекарство? – буркнул каменномордый мужик-полицейский, который был утром на обходе.

– Лирику, мне от судорог.

– Тебе ее выписывали?

– Мне ее каждый день дают! И другая девушка, которая нас на обед водила, обещала принести!

– Я узнаю, – хмуро сказал мужик.

В вечернем мягком свете камера выглядела почти уютно – или это Аня начала к ней привыкать? Разлегшись на кровати, она подумала, что с некоторой натяжкой пребывание тут все же можно считать дауншифтингом.

Майя тем временем скинула свои каблучищи, вышла в центр камеры, вздохнула, широко шагнула вперед и замерла в этой позе, воздев руки над головой.

– Что т-ты делаешь? – потрясенно спросила Наташа, как обычно заняв место на своей кровати. Оттуда на Майю ей открывался особенно удачный обзор.

– Йогу, – ответила Майя, не двигаясь.

Все уставились на Майю, и даже Катя, только что улегшаяся на своем верхнем ярусе, опять села, чтобы лучше видеть.

Майя постояла не шевелясь несколько секунд, а потом сменила позу – уперлась руками и ногами в пол, а зад задрала как можно выше. В этом положении она постояла еще некоторое время, потом опустила на четвереньки и села на пятки, уткнувшись лбом в пол.

– Ты там молишься, что ли? – спросила Катя, не сводя с нее глаз.

– Это поза ребенка, – донесся до них глухой Майин голос. – Помогает расслабиться.

– Чувь какая-то, – постановила Наташа.

Майя выпрямилась и сдула волосы со лба.

– Да нет, вообще прикольно. Особенно если на пляже. Волны, закат, людей нет... Я как раз сейчас собираюсь на Бали поехать, у них там хорошие детокс-программы.

– Какие п-программы?

– Ну это когда ты выводишь из организма все шлаки. Пьешь специальные коктейли, чтобы очищаться, а еще ходишь в спа. Я каждый год езжу на несколько дней. Худеешь сразу, отдыхаешь, восстанавливаешься.

– Будешь тут и дальше ничего не жрать, похудеешь лучше, чем на Бали, – хохотнула Катя и снова легла.

– А мне таблетки так и не принесли, – снова заныла Ирка. На нее никто не обратил внимания.

День приближался к концу. Аня наконец-то смогла увлечься книжкой и даже расстроилась, когда их повели на ужин. На этот раз был плов – к Аниному удивлению вкусный, хоть и очень соленый. Вообще пищу в подобных учреждениях Аня представляла себе как помесь детского сада с “Одним днем Ивана Денисовича”, поэтому ее уже второй раз поразило, что еда оказывалась съедобной. Майя, снова составившая компанию сокамерницам, стоически наблюдала, как они уминают ужин. Виктор Иванович пытался хотя бы напоить ее чаем, но она была неприступна.

– Я из таких кружек пить не могу, – говорила она, – у них даже ручка горячая.

– Так ты подожди, пока остынет! Ничего не ешь, скоро совсем худая станешь! – кудачтал Виктор Иванович. Майя поджимала губы, изображая что-то среднее между снисхождением к его дремучести и воспитанной улыбкой.

– А мне так таблетки и не дали! – снова принялась канючить Ирка. – Обычно еще по утрам дают, а сегодня до сих пор нет.

В этот самый миг дверь с красным крестом, которую было видно из столовой, открылась, и оттуда вышла старуха в белом халате. Аня вынуждена была констатировать, что если вчерашняя врач, которая ее осматривала, показалась ей не слишком дружелюбной, то это только потому, что Аня еще не встречалась с этой. Бабка была маленькая, сторбленная и очень старая, с короткими, пламенеюще-рыжими волосами. Шаркая, она медленно надвигалась на девушек, глядя на них с таким свирепым видом, что они разом перестали есть и молча следили за ее приближением.

– Кто тут лирику просил? – спросила бабка, обводя тяжелым взглядом всех, включая полицейского.

– Я, – сказала Ирка, держа на весу ложку с пловом, которую так и не донесла до рта.

Бабка некоторое время сверлила ее взглядом, не произнося ни слова. Ирка медленно опустила ложку обратно в миску.

– Пойдем. У кого-нибудь жалобы еще есть? – наконец проскрежетала старуха. Все дружно замолтали головами.

Она медленно двинулась обратно в сторону двери с крестом. Ирка беспомощно посмотрела на сокамерниц, потом на полицейского, но не увидела ни в ком намерений ее спасти. Она встала из-за стола и поплелась следом, стараясь держаться на безопасном расстоянии. “Дверь закрой!” – крикнула ей бабка, когда Ирка вошла за ней в медицинский кабинет. Ирка бросила на соседок последний жалобный взгляд и закрыла дверь.

– Вот уж не хотела бы я попасть к ней на лечение, – пробормотала Диана.

– Да она может помереть прямо в процессе, – поддакнула Катя, и они с Дианой захихикали.

Ирка вышла обратно, когда все уже доели и ждали кипятка. Вид у нее был по-прежнему немного испуганный, но довольный.

– Все, зак-кинулась? – презрительно сказала Наташа и, не дожидаясь ответа, сунула ей в руки бутылку. – Держи тогда.

Аня то и дело посматривала на Иру, пытаясь разглядеть у нее на лице признаки надвигающегося безумия, но ничего такого не замечала. Ира выглядела не более странной, чем обычно.

В камере Диана предложила играть в ассоциации: это была очень странная игра, где каждый по кругу должен был называть предмет, а следующий в очереди – тут же придумывать, с чем он у него ассоциируется. Если человек задумывался дольше чем на три секунды, то выбывал из игры. За этим следила Катя – с торжественной оттяжкой она считала “rrrrrraaaазззз... двааааа...”, но к “трем” ассоциацию умудрялась придумать даже Ирка. Только Наташа отказалась играть сразу, заявив, что с заиканием невозможно быстро выкрикивать слова.

– Потолок! – говорила Диана.

– Белый, – отвечала Катя и продолжала: – Картина!

Ирка молчала.

– Rrrrraaaаззз... двааааа... два с половиинной...

– Этот, ну как его... музей.

– Ну?

– Что?

– Дальше говори!

– А, все еще я?

– Да! – кричали все хором, и Ирка неуверенно произносила: – Тумбочка.

- Деревянная. Мм, подушка, – говорила Аня.
- Мягкая! Небо.
- Пасмурное. Дом!
- Кирпичный! Дача!
- Ножницы, – сказала Ирка.

Аня вздрогнула и уставилась на нее. Комната разом поблекла, единственным светлым пятном в ней оставалась Ирка, которая улыбалась как ни в чем не бывало. Где-то на сумрачной периферии остальные кричали “ну, дальше давай!”, но Аня их даже не видела.

- Почему ты сказала “ножницы”?

Ирка обернулась и посмотрела на нее.

- Тю, нашла что спросить. Она ж ненормальная, – донесся Катин голос.
- Почему ты сказала “ножницы”? – повторила Аня.

Из Иркиного лица, которое секунду назад излучало настоящую радость, словно выкачали все чувства. Губы оставались растянутыми в улыбке, но это было механическое выражение без всякой жизни.

- Я ему сразу сказала, что то, что он хочет, я делать не буду, – прошептала она.

- Кто? – таким же шепотом спросила Аня.

– Он мне сказал, что если я поеду с ним к его друзьям на дачу, то он мне даст десять тысяч. Но когда мы приехали, он начал заставлять меня делать вещи, которые я не хотела.

- О чем она говорит? – изумилась Катя.

Ей никто не ответил.

– Тогда он сказал, что если я не хочу по-хорошему, то будет по-плохому. Он меня привязал за руки к кровати и ушел вниз.

Ира то и дело замолкала, но теперь в камере воцарилась абсолютная тишина. Никто больше не задавал вопросов. Аня слышала, как где-то далеко на улице сигналит машина.

– Я подумала, что сейчас он придет с друзьями и я уже не убегу, – сказала Ирка бледным голосом. – И стала грызть веревку. Его долго не было, но я слышала, как он ходит вниз. Я сначала такая пьяная была, а когда он меня привязал, даже протрезвела.

– В общем, – продолжила Ирка после паузы, – пока его не было, я все-таки распуталась. Хотела в окно, но испугалась, что второй этаж. А там, в комнате, стояли всякие шкафы и тумбочки. Я их все пооткрывала и в одном нашла ножницы и нитки. И тут слышу, кто-то поднимается, вроде один. Я так испугалась. Ну и побежала навстречу. Пьяная же. Подумала, что ножницами его испугаю, а сама мимо пробегу. – Ирка снова замолчала.

– Пробежала? – ровным голосом спросила Диана. Аня ощутила, какое напряжение сгустилось в камере.

– Не, – сказала Ирка, – он меня увидел и оступился. От неожиданности, наверное. И упал. Прямо с лестницы вниз.

- Чего? – оторопело спросила Катя.

– Упал. К нему друзья кинулись, кричат, а я смотрю, у него из-под головы кровь растекается. Об ступеньку, наверное, проломил. Ну и тут я больше ждать не стала – обратно в комнату и в окно. Уже все равно было. И ничего, синяков даже не осталось. До Москвы пешком дошла, уже когда светать начало.

- А ножницы? – зачем-то спросила Аня.

– А ножницы я там бросила, когда к окну бежала, – охотно ответила Ирка. Закончив рассказывать, она вдруг снова просияла своей туповатой умиротворенной улыбкой.

Майя, вытаращив глаза, разглядывала Иру как в первый раз.

- А мужик этот что, умер? – наконец выговорила она.

Ирка неопределенно передернула плечами.

Катя посуровела.

– Признайся, ты выдумала это все? – строго спросила она. Ира помотала головой. – Да это же треш какой-то: дача, мужики, к кровати привязали, чуть не изнасиловали, а потом один еще и сдох случайно. Такого не бывает!

– Да честное слово! – заволновалась Ирка. – Все так и было!

– Да какому ты вообще мужику нужна!

– Арсену! – ехидно влезла Диана. – За пиво! – И они с Катей, как обычно, покатались со смеху.

– Д-да она обдолбалась и в-выдумывает! – с отвращением проговорила Наташа. – Тьфу!

– Да не выдумываю я!

– Ну да, рассказывай!

Пока остальные наперебой дразнили Ирку, Майя вдруг наклонилась к Ане и прошептала:

– А почему ты про ножницы спросила?

Ане так хотелось поделиться с кем-то своими переживаниями, что она уже открыла было рот, но вдруг поняла, что не может сформулировать ответ. “Мне приснился кошмар про Иру и ножницы, а потом она сказала слово «ножницы», и я увидела в этом зловещую связь”? Звучало не очень.

– Просто удивилась ее странной ассоциации, – угрюмо ответила Аня.

Разговор сменился, только когда Катя с Дианой перешутили все шутки, а Ирка совсем разобиделась и перестала отвечать. Аня то и дело поглядывала на нее, словно все еще надеялась рассмотреть что-то необычное, но ничего не замечала. Она сама не понимала, верит она Ирке или нет, но ее неотступно грызло беспокойство – слишком странным казалось ей совпадение с ножницами. Она понимала, что любой другой человек, услышав ее, покрутил бы пальцем у виска, но отделаться от неясной тревоги не могла.

Когда у них в камере выключили свет, Аня долго не закрывала глаза – караулила. Ее соседки ровно дышали, лежа в кроватях, а Ирка и вовсе захрапела, как только ее голова коснулась подушки. Аня же настойчиво вглядывалась в полумрак, чтобы не пропустить, если опять начнется вчерашняя чертовщина. Вокруг, однако, царила полная тишина, только изредка капал кран и в других камерах шумела вода, и Аня не заметила, как уснула.

День третий

Сквозь дремоту она чувствовала, что на нее кто-то смотрит. Взгляд был таким назойливым, что проникал даже сквозь толщу сновидений. Аня пыталась проснуться, но никак не могла – сон сковывал ее, и она лежала, беспомощная, не в силах пошевелиться. Ане казалось, что ее затягивает все глубже и глубже на дно, а чужой взгляд давит на нее сверху, не дает всплыть. Собрав волю, Аня рванулась вперед – и неожиданно распахнула глаза. Она дышала так тяжело, как будто в самом деле только что вынырнула на поверхность.

Рядом никого не было, и никто на нее не смотрел. Все Анины соседки еще спали, и только Майя читала вчерашнего Ю Несбё. Ее кукольное лицо было спокойно, как водная гладь в безветренный день – ни единой эмоции на нем не отражалось. Она сидела на кровати, придерживая страницу рукой, и задумчиво накручивала прядь волос на палец.

Аня была так рада вырваться из своего муторного сна, что возвращаться в него, несмотря на раннее утро, не собиралась. Вместо этого она тоже села на кровати и негромко, чтобы не разбудить остальных, спросила:

– Интересная?

Майя поморщилась:

– Да не особо. Я думала, это будет как “Снеговик”. Ты смотрела “Снеговика”? Там был такой экшн, а тут уже сорок страниц ничего не происходит.

– Может, еще наладится.

– Может... А чего ты так рано проснулась?

Аня пожала плечами:

– Не спалось.

– И мне тут не спится! Кровать ужасная, такая жесткая. У меня дома ортопедический матрас, он тоже довольно жесткий, но не настолько же! И подушка тут как блин. А одеяла? Все грязные, вонючие! Как такими вообще можно укрываться?

Майя распалялась все больше и больше, а потом вдруг осеклась на полуслове. Вид у нее стал такой, будто она внезапно что-то вспомнила и теперь напряженно обдумывает. Глядя на ее сосредоточенное лицо, Аня невольно затаила дыхание – казалось, что Майя сейчас ее поразит. Она и поразила – глубоко вздохнула и вдруг зарыдала как-то разом, без подготовки, словно шелкнули выключателем.

Аня вытаращила глаза. Она уже привыкла, что Майино настроение меняется с феноменальной скоростью, но такого стремительного поворота не ожидала. Заливаясь слезами, всхлипывая и даже, кажется, немножко подвывая, Майя простонала:

– А еще я беременна!

– Беременна? – в ужасе переспросила Аня, не зная, что делать – кидаться утешать? Поздравлять?

– Да-а-а... Я так ду-у-умаю!..

– Почему ты так думаешь?

– Не зна-а-аю!.. Чувствую!

Анин ужас начал отступать.

– А какие-то другие причины так считать у тебя есть?

– Не знаю, – снова сказала Майя, шмыгая носом, – мне так кажется. Я как раз к врачу ехала, когда меня остановили.

– Ну, ты выйдешь уже через пару дней и сходишь, – попыталась ободрить ее Аня.

– А вдруг я и правда беременна?

– А ты этого не хочешь?

– Конечно не хочу! Ты меня видела, куда мне? Я только недавно себе грудь сделала, а так всю фигуру испорчу-у-у!.. – Майя снова зашлась в рыданиях.

– Я думаю, все будет хорошо. Если у тебя нет твердых оснований считать...

– Я даже с сестрой договорилась! – перебила ее Майя, всхлипывая. – Когда я решу завести детей, она побудет для меня суррогатной матерью.

– А ты серьезно настроена... – растерянно пробормотала Аня.

– А что, она любит детей и за собой не особенно следит. А мне нельзя. Я столько в себя вложила, что не могу беременеть. К тому же, прежде чем заводить детей, надо сначала выйти замуж. А я пока замуж не собираюсь, мне еще рано.

Под обсуждение жизненных планов Майи слезы начали высыхать. Она заговорила деловым тоном.

– Но вообще дети – это, конечно, хорошо. И нужно. Я планирую завести двоих – мальчика и девочку. Даже имена им придумала. Мальчика я назову Макс. Такое хочу интернациональное имя. Он у меня будет футболистом.

– А девочку? – спросила Аня, не зная, что еще сказать.

– А девочку Николь, – торжественно сообщила Майя. – И она у меня ничего делать не будет, только наслаждаться жизнью. Я считаю, что это единственная женская обязанность.

– Очень современная позиция.

– Ну а что? У меня мама всю жизнь горбатилась на трех работах. Сестра тоже – еще пока в Ижевске жила. Она мне однажды даже сказала: я не стану такой, как ты, я выше этого. И что – я перевезла ее в Москву, она посмотрела, как я тут живу, и теперь сама просит ее с кем-нибудь познакомить!

– А как именно ты живешь? – осторожно спросила Аня, но в этот самый момент окошко в двери их камеры открылось, и вчерашний мужик-полицейский сумрачно произнес:

– На завтрак собирайтесь.

Все вокруг разом засопели и зашевелились. Наташа как будто только и ждала сигнала – моментально спрыгнула с верхнего яруса, глухо стукнув пятками об пол. Ирка села на кровати и потерла кулаками глаза. Диана вздохнула и отвернулась к стене.

– Ого, п-принцесса наша как рано п-проснулась. Может, ты еще и на завтрак п-пойдешь? – спросила Наташа у Майи.

Та сразу театрально понурилась:

– Нет... я каши не ем...

– Да мы уже п-поняли, ты только лобстеров ешь! – беззлобно усмехнулась Наташа и направилась к раковине.

– Неправда, – серьезно прошептала Майя Ане. – Не только лобстеров.

– Вода-а-а! – вдруг завопила Наташа.

От неожиданности Аня чуть не свалилась с кровати. Спавшие Диана с Катей подскочили на своих койках с ошалевшими глазами.

– Что?! Пожар?! – заорала Катя хриплым голосом, безумно вертясь по сторонам.

– Да нет, вода! Горячую воду дали!

Только тут Аня заметила, что открытый кран фыркает и плюется, а из него вырывается, брызгая во все стороны, ржавая струя.

– Ура! – подхватила Диана, вскакивая с кровати и кидаясь к раковине, как к священному источнику. – Значит, сегодня душ! Наконец-то!

– Тю, ненормальные, – проворчала Катя, поправляя одеяло с подушкой и плюхаясь обратно на кровать. – Подумаешь, воду дали, орать-то зачем.

– Ой, тебе лишь бы погундеть! Сама как будто не рада, – фыркнула Диана. Дождавшись, когда вода из крана очистится, она с наслаждением подставила под нее руки.

Катя накрылась одеялом до макушки и из-под него пробубнила:

– Все равно это не то же самое, что дома.

– Конечно, не то же самое, – признала Диана. – Но я уже на все согласна.

Над раковиной вместо зеркала была приклеена небольшая квадратная пленка, в которой при некотором желании можно было разглядеть свое отражение. Диана заглянула в нее и пригладила свои пружинистые кудри.

– Лично я по-настоящему порадуюсь, только когда окажусь в своей ванной, – сообщила Катя. На этот раз ее голос звучал отчетливее – она сделала в одеяле дырочку и говорила в нее.

– А я из своей, наверное, три часа не вылезу... – поддакнула Диана, все еще вертясь перед импровизированным зеркалом.

– Я буквально перед арестом такой классный шампунь себе купила, а помыть им голову не успела... – продолжала, не слушая, Катя. – Сюда мне его, конечно, не дали бы, он непрозрачный. Да я сюда и не хочу, уж лучше дома по-человечески. Я хожу уже неделю и мечтаю хотя бы ногти подстричь, дожили!

Диана помрачнела.

– Да, тут, конечно, будет не душ, а одно название. Ни станка, ни нормального крема. Тьфу, Катя, весь настрой сбила!

Катя мстительно захихикала.

– Ой, девочки, скорее бы домой! – плаксиво сказала Майя. Поначалу она слушала разговор очень увлеченно, а теперь вдруг резко расстроилась, как у нее обычно бывало. – У меня дома такая ванная красивая, розовая! Я же квартиру недавно купила, и там ремонт только-только доделали. Я даже к ней привыкнуть еще не успела. Когда выйду, целый день в ванне просижу!

– Тебе, наверное, в этом душе непросто будет, – заметила Диана, с сомнением окидывая ее взглядом. Она наконец-то отошла от раковины, уступив место глухо ворчавшей Наташе. – У тебя хоть шампунь есть?

Майя замахала руками:

– Да ты что, я тут в душ не пойду. Буду ждать до дома.

– Воду же горячую д-дали, что тебе еще надо? – возмутилась Наташа, умыв лицо. – Уж п-поделится с тобой кто-нибудь шампунем!

– Да мне такой не поможет. В смысле, вы не обижайтесь, но для моих волос нужен специальный. И бальзам обязательно, и нормальная расческа, и фен, и утюжок.

– У тебя что, волосы вьются? – сочувственно спросила Аня.

– Да нет, это просто чтобы лежали нормально.

– Пипец! – окончательно разгневалась Наташа. Ее явно очень беспокоила Майина рафинированность, поэтому, отвернувшись от раковины, она с негодованием вперилась в девушку взглядом. – Ты ж не в п-пятизвездочном отеле сидишь, понимать надо! Т-тюрьма – она на то и т-тюрьма!

– Да я понимаю, – смиренно ответила Майя. – Но я без всего этого волосы даже не расчешу.

– А часто ты голову моешь? – снисходительно поинтересовалась Катя. Она наконец оставила попытки заснуть, села на кровати и закурила.

– Каждый день.

– А укладываешь сколько?

– Ну, сорок минут минимум.

– Сорок минут каждый день! – уважительно присвистнула Диана. Она подошла к своей кровати и взяла у Кати из рук сигарету. – Я бы не выдержала.

– А я этого вообще не понимаю, – заявила Катя с презрением. – Я свои в хвост собрала и пошла. Делать мне нечего, полдня на это тратить.

Дверь загремела и открылась.

– На завтрак выходим, – мрачно произнес мент.

Ирка тут же подскочила к двери, на ходу застегивая пуговицы на джинсовой рубашке. В вопросах еды она не медлила. Полицейский пропустил ее в коридор. Наташа вышла следом, что-то бормоча себе под нос и зажав под мышкой бутылку для кипятка.

– Может, тоже надо было сходить? – сказала Катя, забирая у Дианы сигарету и задумчиво выпуская дым. – А то обычно вставать лень, а сегодня Наташа и так всех перебудила.

– Я решила, что в последний день схожу, – ответила Диана. – Отмечу, так сказать.

– А что ты сразу сделаешь, когда выйдешь?

– Ну, меня муж встретит, поэтому сначала я его затискаю. Потом, когда приедем домой, затискаю Барсика. Я так по нему соскучилась, не могу. Потом съем котлет. Или блинов. Я еще не решила. У меня муж хорошо готовит, так что я перед выходом ему закажу. Потом в ванну. А потом сразу отмечать днюху. Мне кажется, я так отвыкну бухать за эти десять дней, что за полчаса нажрись.

– У тебя день рождения? – спросила Аня.

– Накануне выхода. Представляешь, мне двадцать пять лет исполнится в спецприемнике! Когда мне судья дала десять суток и я поняла, что днюха выпадает на арест, у меня там в суде чуть истерика не случилась. Но сейчас уже привыкла. Зато будет что вспомнить!

– Ой, я тоже нажрись, – мечтательно сказала Катя, вытянувшись на кровати и глядя в потолок. – Но первым делом я в “Макдональдс”. Двойной чизбургер, ммм... И картошечка по-деревенски... С сырным соусом! Блин, я просто умираю, как хочу еду из “Макдака”. Потом домой и сразу к Ольке.

– А Ольга это кто? – подала голос Майя.

– Ольга – это моя девушка.

– О-о... Ты с девушкой встречаешься?

– Да, а что, у тебя какие-то проблемы с этим? – Катя приподнялась на локте и, прищурив пронзительные голубые глаза, посмотрела на Майю.

– Нет, просто спросила. Всегда было интересно, как это устроено у... ну... – Майя замаялась.

– У лесбиянок? Ну так и говори, что ты жмешься. Да я не лесбиянка на самом деле. У меня раньше одни мужики были. А сейчас Оля.

– А как так получилось? Мне просто интересно. Я не... как это называется?... – Майя наморщила лобик. – Ну, не против геев. Не гомофобка. Только не понимаю, как это – мне вот всю жизнь только мужчины нравились.

– Ну вот так это, – лениво сказала Катя, снова ложась на кровать. – Дело не в мужиках или бабах, а в людях. Тебе же вот тоже не все подряд нравятся? Встречаешь человека и сразу понимаешь, что он тебе подходит больше всех. Когда я познакомилась с Олей, то сразу поняла – это мое. Она такая спокойная, тихая. Я с ней прямо отдыхаю.

– И ты в нее с первого взгляда влюбилась? – спросила Майя с надеждой. Она стала похожа на ребенка, который слушает сказку.

Катя фыркнула:

– Ну, встречаться мы с ней быстро начали. Я обычно времени не теряю.

– И как на вас на улице реагируют? – спросила Диана, ложась на свою кровать. Взглядом она упиралась в Катин матрас над собой, и оттого казалось, что она разговаривает с ним.

– Да нормально реагируют.

– Ну, всякие упоротые не попадают, которые кричат, что это пропаганда?

– Пффф, еще чего! – пренебрежительно сказала Катя. – Да пусть мне только кто-нибудь попробует что-то сказать, хорошо, если потом сам уйти сможет.

– У нас в Ижевске во дворе жил мальчик, все думали, что он гей. Так его однажды пацаны подкараулили и избили так, что он в больницу попал, – сообщила Майя. – Я вот этого никогда

не понимала. Бить никого нельзя, даже геев! Он к тому же ничего особенного не делал, только волосы в белый цвет красил.

В Аниной голове всплыла картина из прошлого: она с мамой едет в автобусе на кладбище к бабушке. В этой поездке не было ничего особенного, кроме самой Ани: с недавнего времени она чувствовала себя не собой, которую знала и любила, а посторонним человеком, за которого ей стыдно. Этот стыд изводил Аню последние несколько недель, но теперь в преддверии кладбища обострился до нестерпимости. Ей казалось, что она как героиня фантастического фильма, которая неожиданно обнаружила, что в ней поселился злобный пришелец. Той, какой она была раньше, больше нет, на смену хорошему человеку пришел новый неприятный, которого Аня теперь обречена до конца жизни таскать с собой и скрывать. Если справиться с этим, спрятавшись в кровати под одеялом, было хоть как-то возможно, то ехать такой на кладбище, с его ореолом мрачной торжественности и даже некоторой святости, было невыносимо.

Чтобы мама ничего не заметила, Аня сидела, отвернувшись к окну. Когда она отвлекалась на пейзаж, стыд в ней съеживался до маленького тревожного комочка, который удавалось игнорировать, но стоило Ане, перебирая мысли, споткнуться о него снова, как он тут же разливался по всему телу. Аня пыталась представить, что случится, когда она окажется на кладбище. Конечно, она знала, что земля не разверзнется и гром не грянет, хотя, возможно, порадовалась бы этому: лучше бы так, чем постоянное тайное самобичевание, которому она себя подвергала.

Аня даже не понимала, когда в ней поселился пришелец. Этот момент должен был чем-то отличаться от остальных, но по Аниным ощущениям она неуловимо соскользнула в новую реальность, а когда осознала это, пришелец был давно внутри.

Они познакомились с Женей на курсах английского несколько месяцев назад, и сначала та ей даже не понравилась. Она была слишком нахальная – на первом же занятии бесцеремонно заглянула к Ане в тетрадку и ткнула ручкой в ошибку, хотя ее никто не просил. И вообще Женя постоянно всех перебивала, слишком громко смеялась и курила в перерыве. Аня поначалу держалась от нее подальше и даже отсела на следующем занятии – но в тот день Женя забыла учебник, и их все равно посадили рядом. Женя как будто не чувствовала Аниного отчуждения: лезла к ней с разговорами, интересовалась, какое кино та смотрит, а когда выяснилось, что они еще и живут неподалеку друг от друга, предложила подвозить ее после занятий. Ане было семнадцать, Жене – двадцать один, она слушала “Ночных снайперов” и носила пирсинг в брови.

Однажды она не пришла на занятие, и Аня поразились тому, как ее это расстроило – она и не подозревала, что успела настолько привязаться к ней. На следующем занятии Жени опять не было. Раньше Аня заходила в класс в предвкушении их встречи и видела его как будто озаренным, а теперь он был пустой и бездушный, словно из него вынули все волшебство.

На третий раз она уже не слишком надеялась, и Женя действительно снова не пришла. Аня смотрела на ее пустой стул и безучастно думала, что скоро к этому привыкнет. У нее даже не было Жениного номера, чтобы написать и спросить, что случилось. Можно было узнать его у преподавателя, но Аня чувствовала смутное нежелание спрашивать – почему-то не хотелось, чтобы кто-то догадался о ее интересе. За окном садилось солнце, и стена напротив входа в их класс была залита густым желтым светом. Эта стена действовала на Аню успокаивающе. Она смотрела на нее, как в портал, пока он и в самом деле не открылся: безупречное желтое поле вдруг разрезал черный силуэт, который рос по мере приближения. Аня смотрела на него, как загипнотизированная. Она знала, кого сейчас увидит, но не хотела торопить момент. Радость от встречи стала неминуемой, и можно было позволить себе смаковать ожидание, наслаждаться самой этой безупречной желтой стеной и растущей на ней тенью. Женя вошла в класс, и радость мгновенно заполнила Аню. Ей стало блаженно тепло. Полуприкрыв глаза, она смотрела, как Женя подходит ближе, занимает свой беспризорный стул и открывает учебник. Наверное, в

этот момент Аня и осознала, что в ней живет пришелец, но тогда это ее несколько не встревожило – в ту минуту она просто позволяла себе переживать это блаженство.

С того вечера, однако, начались ее метания. С одной стороны, Аня была влюблена и счастлива. Она ждала каждого занятия, выбегала с Женей в перерыве курить, скачала все песни “Ночных снайперов”, часами разговаривала с ней по телефону и стала смотреть на всех свысока: ей казалось небывалым везением, победой в жизненной лотерее, что Женя выделила ее среди остальных. С другой стороны, Аня была в замешательстве – ей казалось, что на ее место пришел другой человек, которого ни окружающие, ни она сама не одобрили бы. Было стыдно чувствовать влюбленность в женщину и страшно, что кто-то узнает. Когда она находилась рядом с Женей, счастье казалось ей логичным и правильным чувством, но как только она оставалась одна, оно ощущалось диким и противоестественным. Аню изводило такое противоречие – а потом случилось кладбище. В автобусе в тот день она чувствовала себя особенно порочной и оскорбительной для человечества.

– Мы как-то пошли с Олькой в бар у нас на районе, – говорила тем временем Катя, – к нам там один бухой чувак пристал. Типа ой, девочки, а можно посмотреть, а давайте я к вам третьим. Извращенец, короче.

– А ты что? – спросила Диана.

– Да въебала ему, – пожала Катя плечами и гордо добавила: – А потом менеджеру сказала, чтобы больше его не пускал. Там менеджер мой друбан, он мне говорит: Катя, вообще не вопрос, еще раз сунется – зубы свои потом будет в спичечный коробок собирать.

– Я однажды встречалась с типом, – сказала Майя. В слове “типом” она ставила ударение на “о”. – А он мне начал предлагать секс втроем. Я его сразу бросила. Не понимаю этого – если у тебя уже есть женщина, зачем тебе еще одна? А если тебе хочется другую, значит, и первая не больно-то нравилась.

– А я бы согласилась, – хвастливо заявила Диана и села на кровати. – По-моему, это прикольно. Это же не про измену, а про новый опыт.

– Да ладно бы, согласилась! – недоверчиво сказала Катя. Она свесилась с кровати и посмотрела на Диану. – Ты бы позволила своему мужу трахнуть какую-то левую бабу у тебя на глазах?

– Да почему сразу мужу трахнуть, – поморщилась Диана. – Это добровольный совместный эксперимент.

– По-моему, это все равно измена. Я к такому очень строго отношусь, – сказала Майя. – Если бы я узнала, что мой мужик мне изменяет, я бы тут же от него ушла. У меня так даже было однажды: начала встречаться с типом. Вообще я сначала познакомилась с его отцом и думала с ним замутить, но как-то не срослось. А с сыном мы сразу общий язык нашли. Он такой красивый, спортивный. В общем, как я люблю. И у нас такой бурный роман начался, что он мне через три недели предложил к нему переехать. Я сначала думала, что это как-то слишком быстро, но он мне очень понравился. Ой, он такой лапочка был, на каждое свидание дарил вот такой букет роз.

– Ну и что, ты переехала, и он изменил? – презрительно спросила Катя. Она подперла голову ладонью и смотрела на Майю.

– Ну, в общем, да, я к нему переехала, и тут началось. Он все деньги спускал на алкоголь и траву. Почти каждый вечер к нам приходили его друзья, и они укуривались в хлам. А я вообще такое не люблю, стараюсь вести здоровый образ жизни. Но при друзьях я ему ничего не говорила, а он потом наутро всегда извинялся передо мной и клялся, что со всем завяжет, просто, мол, ему сложно так быстро поменять образ жизни.

– И ты верила? – с досадой спросила Диана.

– Ну, он говорил, что всегда жил один и привык так. Но что я изменила его жизнь и он очень постарается соответствовать, – вздохнула Майя. – Он вообще такой милый был, когда говорил это. Я даже сейчас рассказываю и чувствую, что все еще немного скучаю, хотя он, конечно, мудаком оказался.

– Так, а дальше что было?

– В общем, мы так прожили пару недель, а потом однажды я что-то искала и полезла в ванной в один из ящиков. Я раньше его до конца ни разу не выдвигала, а тут как-то получилось случайно. А там, значит, зубная щетка, резинка для волос и упаковка прокладок, прикиньте?! Он на работе был. Я вся извелась за день, а вечером, когда он пришел, и говорю – это что вообще? Ты же мне говорил, что до меня никогда с девушкой не жил. Ну он начал как-то оправдываться, мол, это какая-то несерьезная история была, девушка пару раз ночевала, но все давно закончилось. Я говорю: если закончилось, почему ты все это хранишь? Ой, говорит, да я даже не знал, что это все осталось.

– Типичная мужская отговорка! – вскричала Катя, сверкнув глазами. – Когда их припрешь к стенке, начинают плести, что вообще не знали и не замечали! Ох, как хорошо, что я завязала с мужиками!

– В общем, мне уже тогда надо было все понять, но я решила дать ему шанс. Тем более что он после этого случая даже не накуривался несколько дней, и я подумала, может, и правда завяжет. В общем, в очередной день он был на работе. Мне так скучно стало, дай, думаю, хоть фотку выложу. Сфоткала себя в зеркало – и в инстаграм. И геотеги поставила – “ЖК «Белый лебедь””. Это его дом был. И думаю: посмотрю заодно, какие еще фоточки выкладывают отсюда. Перехожу по геотегу и вижу последнюю фотографию – какая-то телка фотографируется в зеркале. Я пригляделась и – прикиньте – понимаю, что это то же самое зеркало! В его квартире! Там диван отражается, стены такие же! И фотка сделана два дня назад! А я как раз в тот день не ночевала у него, ездила к маме.

– Да, он и правда мудила, – согласилась Диана.

– И что ты сделала? – живо поинтересовалась Катя.

Майя отбросила волосы назад, обвела всех торжественным взглядом и гордо сказала:

– А я этой телке взяла и написала. Так и так, говорю, я вообще-то с ним встречаюсь, и мы даже живем вместе. Что это значит и что ты делала в его квартире? И что вы думаете – оказывается, она тоже считала, что он только с ней встречается. Регулярно у него бывала, а про меня он ей ничего не рассказывал. В общем, развел нас обоих как лохушек.

– А дальше?

– А дальше мы с ней все это обсудили в инсте, ну и договорились его проучить. Она приехала, и мы вместе его квартиру разгромили. Ну, ничего прямо фатального не сделали, а то у него связи, а нам потом проблемы не нужны, но такой бардак там устроили! Все его вещи выкинули из шкафов, все раскидали. И вместе потом его с работы встретили. Надо было видеть его лицо, конечно. Вспоминаю – и до сих пор приятно. Я ему даже в рожу напоследок плюнула. Будешь знать, говорю, как врать и изменять.

– Вау, – уважительно протянула Диана.

– Вот поэтому я с мужиками и завязала, – снова напомнила Катя. – От них можно только этого ожидать.

– Да не все такие.

– В большей или меньшей степени – все! Вы вообще хоть одного честного мужика встречали?

Майя и Диана задумались. Аня наблюдала за ними с антропологическим интересом, но в этот момент с завтрака вернулись Наташа с Ирой.

– Ирка съела т-три тарелки каши, – сообщила всем Наташа, ставя на тумбочку бутылку с кипятком. – Я говорю, что, когда она будет выходить, в дверь не п-протиснется.

– Не три, а две! – пробубнила Ирка и виновато добавила: – Но я обычно меньше жру. Когда бухаешь, есть совсем не хочется. А тут же я почти две недели в завязке, вот на меня жор и напал!

– Слышь, Ирка, может, твоя мать права – посидела бы в колонии полгода, отъелась бы, бухать бросила? – усмехнулась Катя.

– Да не хочу я в колонию, – жалобно сказала Ирка.

Все рассмеялись.

Утро шло своим чередом: сначала выпили чай и даже уговорили Майю съесть конфету “Мишка на Севере”, целый пакет которых Диана обнаружила в тумбочке, – выяснилось, его оставила другая арестантка, которая освободилась до Аниного появления. Потом Ирка принялась рисовать что-то карандашом на тетрадном листе, который ей вырвала из тетради Диана, а Наташа вновь взялась за уборку. Аня читала, но ловила обрывки разговоров и постоянно отвлекалась на них. Например, Диана сообщила, что ее любимый певец – Филипп Киркоров, и этим заявлением потрясла абсолютно всех.

– Ты долбанулась? – изумленно вопрошала Катя. – Он же дед! Ему лет шестьдесят! Он уже даже моей маме разонравился!

– Ну и что, – упрямылась Диана, – у него глаза красивые! И вообще он выглядит как настоящий мужчина.

– Д-да он одевается как б-баба! – кричала Наташа, которая от избытка негодования даже перестала драить полы и стояла, воздев одну руку к небу, а другой облокотившись на швабру, как Петр Первый – на штурвал.

– Это шоу-бизнес, там все так одеваются! – не сдавалась Диана. – Филипп к тому же не стоит на месте – вы клип “Цвет настроения синий” видели?

– “Филипп”, ой, я не могу, “Филипп”! – хрюкала от смеха Катя.

– Ой, в этом клипе еще Бузова была, вот Бузова мне нравится! – радовалась Майя.

Аня большую часть их разговоров слушала с округлившимися глазами, но, осознавая это, спохватывалась и расцветала улыбкой. Ей совсем не хотелось, чтобы остальные считали ее высокомерной недотрогой, и она бы даже не отказалась участвовать в их удивительных беседах, но увы – она никогда не видела клип “Цвет настроения синий”, а Киркорова последний раз смотрела в домашнем пузатом телевизоре на новый, 2004-й год.

Окошко в их двери отворилось, и кто-то крикнул веселым голосом: “Встаем на обход!” Стало слышно, как в коридоре гремят двери и кто-то громко переговаривается.

– Сегодня хорошая смена, – удовлетворенно заметила Наташа, убирая таз и швабру. – Все, можно ходить босиком!

В камеру вошли четверо: молодой круглолицый мент, мент постарше, с густыми черными бровями, высокая рыжеволосая женщина, похожая на лису, и маленький старичок.

– Здра-а-авствуйте, девочки, – сказал старичок. У него был неожиданно низкий и раскатистый голос. Говорил он как Дед Мороз на детском утреннике. – Как ваши дела?

– Хорошо, хорошо! – заулыбались все разом, а Ирка даже кокетливо хихикнула.

– Есть ли у вас жалобы? Предложения?

– Нет, нет!

– А можно сегодня в душ сходить? – встряла Диана.

– В душ? – изумленно сказал старичок и посмотрел сначала на лисью девушку, а потом на мужчин. – Душ же у нас завтра по расписанию, девочки.

– Но воду дали, горячую воду дали! – загомонили все.

– Ну раз во-о-оду дали... – протянул дежурный. – Но только после обеда, девочки, и быстренько.

– Ура, ура!

– Давайте теперь отметимся. А то вдруг кто-то сбежал. Или наоборот, прибежал.

Все рассмеялись, и Аня с изумлением обнаружила, что тоже усмехается. Этот старичок казался таким милым и человечным по сравнению с прежними ментами, что ему хотелось улыбаться просто из благодарности.

– Вилкова!

– Я!

– Орлова!

– Я!

– Леонова!

– Я!

– Иванова!

– Я!

– Андерсен!

– Я, – сказала Майя и затрепетала ресницами.

– И Романова?..

– Я, – сказала Аня. Старичок закрыл журнал, а она продолжила: – И я бы хотела подать заявление на апелляцию. Можно это через вас сделать?

Все повернулись к ней и замерли. Ирка, не отрывая от нее взгляд, почесала колено карандашом.

– Вы хотите обжаловать ваш арест? – осторожно уточнил старичок-дежурный.

– Ну да.

– А за что вы здесь оказались?

– За митинг.

– А, вы политическая? – сразу как-то расслабился старичок. – Ну напишите заявление в тот суд, где вас судили, мы отправим.

– Когда?

– Да сегодня, что ж затягивать. Мы вас тут держать напрасно не заинтересованы. – Он рассмеялся.

– А вы мне бумагу дадите? – спросила Аня. – А то у меня только тетрадка.

– Дадим, отчего ж не дать. Настя, принесете девочке бумагу?

Лисья девушка отрывисто кивнула.

– Ну ладно, если больше вопросов нет, отдыхайте тогда, – сказал старичок и направился к двери. Повинуясь его едва заметному кивку, остальные полицейские вышли следом.

Когда дверь за ними закрылась, Катя скрестила руки на груди, хищно посмотрела на Аню и спросила:

– А что это ты за апелляцию собираешься подавать?

– На то, что меня незаконно арестовали, – отчеканила Аня.

Ирка разразилась булькающим хохотом:

– Незаконно, ха-ха-ха!

– Дура, ее, может, и правда незаконно! – рявкнула Катя.

Ирка осеклась и с пустым лицом тут же принялась водить карандашом по джинсам.

– Ей на з-завтраке еще лирику дали, – неприязненно глядя на Ирку, пояснила Наташа.

Ане показалось, что настроение в комнате неуловимо изменилось. Остальные ее сокамерницы явно не поняли сначала, как надо реагировать на известие об апелляции, и ждали, что Катя подаст им знак. Как только она отчитала Ирку, все сразу расслабились. Апелляция была негласно признана допустимой, а сама Аня – человеком, имеющим на нее право.

– В самом деле, почему за митинги теперь вообще сажают? – философски спросила Диана, плюхнувшись на кровать. Та заскрипела.

– Да теперь вообще-то за все посадить могут, – пожала плечами Аня. – А это вроде как был несогласованный митинг...

Катя, все еще стоявшая в центре комнаты, обернулась и изумленно посмотрела на Аню:

– А что, митинги надо согласовывать?

– Ну, вообще да.

Катя нахмурилась:

– А ты против чего митинговала?

– Против коррупции. Против правительства.

– А согласовывать где надо?

– Ну, в мэрии.

– То есть нужно попросить разрешения митинговать против правительства у правительства? – уточнила Катя и уперла руки в бока. – Не, вы слышали? Я хуюю... Они вообще хоть когда-нибудь согласовывают?

Катино возмущение было таким неподдельным, что Аня невольно улыбнулась.

– В последнее время – нет, поэтому все теперь выходят просто так.

– Да-а, неудивительно, что они вас сажают, им же неприятно про себя плохое слушать, – сказала Диана. Она встала, взяла с тумбочки печенье и громко им захрустела. Несмотря на жевание, лицо у нее оставалось задумчивым и даже немного величественным. – У меня подруга ходила на митинг и меня звала. Я даже почти согласилась. У вас еще они будут? Я, может, в следующий раз схожу, хоть посмотрю, как это.

– И что, з-загребут т-так же! – прокаркала из-под потолка Наташа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.